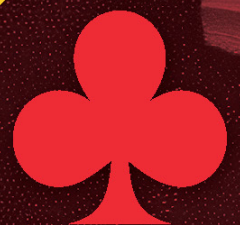

СЭМЮЭЛ БАТЛЕР
ГУДИБРАС

ВЫРГОРОД

Библиотека Сизифа

Сэмюэл Батлер

Гудибрас

ООО "Выргород"

1663-1678

УДК 821.111
ББК 84(4)

Батлер С.

Гудибрас / С. Батлер — ООО "Выргород",
1663-1678 — (Библиотека Сизифа)

ISBN 978-5-905623-53-0

Сэмюэл Батлер – один из самых острых и блестящих английских сатириков XVII века. Поэма «Гудибрас» (1663–1678) в своё время стала настоящим литературным событием и до сих пор остаётся образцом политической и философской иронии. В бурные годы после гражданской войны в Англии рыцарь-пуританин Гудибрас и его оруженосец Ральфо странствуют по стране, попадая в нелепые переделки, споря о вере, власти, добродетели, и невольно разоблачают лицемерие, фанатизм и суетность идеологий. Своего рода бурлескный «Дон Кихот», «Гудибрас» сочетает в себе тонкую пародию на рыцарский эпос, сатиру на религиозные войны, гротеск и учёную игру с формой. Блистательные рифмы, каламбуры, театральные диспуты и неожиданная образность превращают сочинение Батлера в литературный фейерверк, где за шуткой скрывается глубокое сомнение, а за комическим прицелом – трагическая эпоха. На русском языке публикуется впервые.

УДК 821.111

ББК 84(4)

ISBN 978-5-905623-53-0

© Батлер С., 1663-1678

© ООО "Выргород", 1663-1678

Содержание

Часть первая	6
Песнь первая	6
Песнь третья	57
Часть вторая	92
Песнь первая	92
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Сэмюэл Батлер

Гудибрас

Поэма

Оригинальное название:
Hudibras / Samuel Butler

© Кутик И. В., перевод, 2026

© Выргород, 2026

Часть первая

Песнь первая

Краткое содержание:

Сэр Гудибрас¹, великий воин,

За подвиги хвалы достоин.

Его оружие, конь, он сам

Описаны. А также гам

Медвежьей травли, но забава

Сия уйдёт в другие главы.

Когда гражданский гнев объял
Страну, взъярились стар и мал.

Когда все стали крыть друг друга,

То лопнула её подпруга,

И за религию пошли

Друг дружку лупцевать земли

Сей уроженцы в кровь, не зная,

Зачем им эта пряха чумная.

Трубач Завета гнал взашей

На бой ослов, до чьих ушей,

Чуть оттопыренных в молитве,

Дошёл призыв к последней битве².

Тогда наш рыцарь прекратил

Шататься и направил пыл

На роль полковника. И в малом,

И в большем рыцарском зеркалом

Он был и, кроме чести, знать

Не знал другую благодать.

Не сладостность ценил он паток,

А силу лишь людских лопаток,

Что вложена в удар. Картель³

Ещё как вызов на дуэль.

Смирен он на скамье был в храме

И прям в седле. Пройдя с боями

Страну всю, мир воспринял он

Как должное. Свой легион

Он распустил. Рекут, что крысы

По части ихней антрепризы

---

¹ Имя Гудибрас Батлер взял из поэмы Эдмунда Спенсера «Королева фей», где тот известен за свою силу, а не за дела. Рыцарь этот скорее глуп, нежели сколько-нибудь умён.

² У пуритан была привычка руками оттопыривать уши на церковных службах, они считали, что так они лучше слышат. Пуритане носили короткие стрижки, что делало их уши особенно заметными. Таким было объяснение самого Батлера этих строк. Под «трубачом Завета» подразумевается, вероятно, Оливер Кромвель.

³ Cartel (*фр.*) – вызов на дуэль.

На водных или на земных
Все делятся. Наш рыцарь лих
В обеих был стихиях – мира,
Как и войны. Моя тут лира
Молчит, что было в нём важней —
Ум или сила. До корней
Волос он гневался, но всё же
Отходчив был. Таких вельможи
Зовут кретинами. Монтень
Играл так с кошкой⁴. Та ж за пень
Его держала. Гудибраса
Она б сочла за лоботряса,
Хоть этим именем владел
Вершитель многих славных дел.
Короче, не был он кретином,
А лишь стыдливым, не бесчинным.
Точней, употреблял свой ум
Лишь иногда и наобум.
С умом – точь-в-точь как с верхним платьем,
Мы лучшее своё не тратим
На будни, надевая лишь
По праздникам. Он не тупыш
Отнюдь. По-гречески кого ни
Уделал он. Визжат хавроньи
Вот так естественно. Латынь
Он знал, как дрозд своё динь-динь.
Своё он вежество в языцах
Не выставлял, но в разных лицах
Представить диспут мог любой.
Иврит он тоже знал, что свой
Секрет хранит от многих. Вкратце,
Обрезанным он мог считаться,
Когда б для истых христиан
Он не был бы так в вере рьян.

Он в логике поднаторелым
Считался. Мог он между делом
И аналитикой блеснуть.
Как волос расщепить, так суть
Он выставить мог антиподом
Самой себя. Он в спорах мёдом
Всех потчивал, мол, человек
Не лошадь, а канюк иль хек
Не птица с рыбой, даже Бога
Он звал совой за чашей грога,
Телёнком олдермена и
Гусыней правосудье. Дни

---

⁴ Мишель де Монтень говорил: «Когда мы с кошкой играем, ещё вопрос, кто с кем играет – я с ней или она со мной».

Он в преньях проводил, пленяя
Всех силлогизмами. Такая
Вот слава шла за ним, коль был
Он в настроенье: чуток, мил.

В риторике он не был силен.
Он часто ухал, словно филин,
Иль заходил в кашле на
Средине фразы, и слышна
Тогда была лишь брань, что это
В нём создаёт анахорета.
Он говорил, как остальной
Народ, но с разницей одной:
Нашла себе в нём, видно, лоно
Былая башня Вавилона.
Учёные так говорят,
В речах мешая склад и лад.
Смесь греческого и латыни
С английским, словно на сатине
Вельветовые латки, слух
Корёжила: засилье двух
Наречий убивало третье.
Так закрывают ствол поветья,
Так каменщики башни той,
Видать, общались меж собой,
Так Цербер говорит в Аиде
С тенями, в них людей не видя.
В своём заводе Гудибрас
Имел завидный слов запас,
Не делая меж них различий.
Язык был не людской, а птичий
Какой-то. И к тому ж охоч
До новых слов он был. Точь-в-точь
Как иностранцы, только в оных
Ума был нуль. Нет в эмбрионах
Ума. Неологизмы все
Окатыши на полосе
Морского пляжа. Ими можно,
Наверно, если осторожно,
Полировать прононс, как грек
То делал древний⁵. Но разбег
Он представлял себе всей фразы.
А Гудибрас под видом базы
Трёх языков всем выдавал
Не смысл, а просто слов обвал.

Он в математике коряги

---

⁵ Великий афинский оратор Демосфен.

Ворочал цифр, как Тихо Браге
Иль Эрра Патер⁶. Мог объём
Он эля счесть в один приём.
Коль не было на хлебе масла,
Он сразу знал, какая масса
Потеряна. Который час,
По звёздам мерил Гудибрас.

Он в философии начитан
Весьма был, не кончая Итон,
И всё на веру принимал,
Что б автор ни сказал, нахал.
Он на вопрос любой вопросом
Ответствовал. Как птицы просом
Питаются, так он был рад
Кормиться кашицей цитат.
Цитировал он где-то сорок
Философов, и каждый дорог
Ему был истиной своей.
Он пел их, будто соловей.
Не различал он, что который
Изрёк, но все ему опорой
Служили в преньях, где порой
Перевирал их наш герой.
Как представляют приведенья
Тот мир, мир этот бутетенья,
Он знал деяния людей
В абстракции. Что те ни дей,
Ему казалось всё правдивым
Их проявлением и дивом.
Метафизическим ему
Всё рисовалось потому.

Как плод духовных семинарий,
Он в отвлечённом был угаре:
Не то как бы второй Фома⁷,
Не то впрямь выжил из ума.
Во всём нездешнюю изнанку
Он зрел, храня притом осанку,
Так что верёвки из песка
Он в спорах вил, того слегка.
Особенно он в полнолуны
Таким открыто был, не втуне:
Все комнаты в его мозгу

---

⁶ Тихо Браге (1546–1601) – великий датский астроном, астролог и алхимик; предвосхитил Кеплера, но был против системы Коперника, неправильно высчитав расстояние до звёзд; считал Землю неподвижной. Эрра Патер – не существовавший астролог, хотя книга его правил ходила среди профанов. Помимо Батлера, его упоминает драматург Уильям Конгив в комедии «Любовь за любовь» (1694).

⁷ Фома Аквинский (1225–1274) – великий итальянский теолог, получивший почётный титул «ангельского доктора».

Пустели мигом. Он «угу»
Твердил невероятным самым
Теориям, что звать Бедламом⁸
Привыкли люди, будто Бог
Чесотку подхватил от блох,
А он знай скрёб Его, чтоб зуду
Усилиться. Но вера в чудо,
Что шарлатаны часто нам
Показывают, этот шрам
От десяти ногтей мгновенно
Затягивала. В гнилость тлена
Не верил он, и где Эдем,
Он знал назло компасам всем.
Он брался доказать, что или
Он здесь, иль где-то в звёздной пыли,
Что там Адам томился, чтоб
Явилась Ева из чащоб,
Что дьявол языком тевтонов
Владел, им сердце Евы тронув⁹,
Что у обоих был пупок,
Что музыку ввёл молоток
На кузне¹⁰, что, хоть дьявол змеем
Предстал, он был с копытом. Клеем
Молитв он доводы скреплял
Пустые. Этот буревал
Он разгрести не мог, однако
Не различал, где суть, где врака.

Что до религии, она
Была герою врождена,
Под стать его уму. Небесным
Он пуританином был, безднам
Противным ада. Церкви наш
Герой воинственной был страж.
Вместо священных текстов пику
С мушкетом прижимал он к лику,
И богословских прений вал
Он артиллерии вверял.
Апостольская их доктрина —
Удары в пах, удары в спину,
Огонь и меч. Так без конца
Шла Реформация, свинца
На пустосвятов не жалея.
Чем дальше шла, тем только злее

---

⁸ Психиатрическая лечебница в Лондоне, открытая в XIV веке.

⁹ В эпоху Батлера многие верили, будто тевтонский язык самый старый, и что на нём говорили строители Вавилонской башни.

¹⁰ Существовала легенда, что музыку изобрёл Пифагор, услышав звуки молотка в кузнице.

По ходу делалась. Видать,
Религиям существовать
Друг с другом в мире невозможно.
Их секта объявила ложной
Доктрину прочую, всплыв
На мир весь, так что вышел взрыв.
Как ни гнобила всех, а правой
Не стала так, залив всё лавой,
Безумной псицей покусав
Тех, кто не приняли устав.
Где были праздники святые,
Там пост теперь, и клонят выи
Сторонники её, кляня
Тех, кто лишь адского огня
Достойны за – с ней – несогласье.
Они так Бога хвалят в массе,
Как будто бы Ему назло
Лишь действуют. Они крыло
Свободы воли обкорнали:
Предопределено в начале
Судьбы, мол, всё. А прочих всех
След покарать за этот грех.
Они всё запретили, даже
Любимое, в сектантском раже:
Минс пай¹¹, к примеру, иль овёс
Со сливами. Свиной и коз
С гусями разрешили, вроде.
Ислам им ближе по природе:
Там многого нельзя. Пророк
Их тоже чтит ослов. Глубок
Союз был Гудибраса с ними.
Всё ханжество там, хоть во имя.

Короче, это всё герой
Впитал под кожную корой.
Теперь нам обсудить пристало
Героя вид и причиндалы
Его лица. Украсил свой
Он лик игреней¹² бородой.
Она была вся цвета глины
Горшечной, хоть наполовину
И поседела. Метеор
Сей красный предсказать был скор
Паденье тронов, ну а, может,
И новой власти. С ней был прожит

---

¹¹ Сладкий пирог с начинкой из молотых фруктов, специй и жира. Восходит к XIII веку, когда крестоносцы вернулись из Святой Земли с тамошними рецептами. Пирог содержит христианскую символику даров (сладости, корица, гвоздика, мускатный орех), которые преподнесли библейские волхвы. Подаётся к Рождеству; имеет продолговатую форму яслей Христа.

¹² Огненно-рыжей.

Весь взрослый век. Он, как Самсон,
Растил её – до тех времён,
Когда монархии все сгинут,
Иль сам он не умрёт. Подвинут
Он был на бороде. Она
Ещё всплывёт, когда он дна
Коснётся. В общем, он монаха
Напоминал. Её до паха
Хотел он отрастить, как у
«Верёвочников»¹³, кто нужду
Воспринимают благодатью.
Он с детства был готов к проклятью
И смерти мученика от
Рук государства. То, что ждёт
Его война, не знал он, ибо
Предполагал скорее дыбу,
Под ногти иглы и сапог
Испанский. Мучеником мог
Он пасть, когда б не каша эта.
Он не боялся конца света
И до монархии конца
Готов растить был цвет лица,
Но так привык к своей патлатой
Он бороде, что даже платой
Он не польстился б, чтобы сбрить
Её. В войну ушла вся прыть
Его, а борода спасала
Частенько от врагов металла.
Он ждал, что вместе с бородой
Серп времени его, со ржой
На нём, однажды скосит. Плоти
Он не щадил. Талиакотий¹⁴
Уже ко времени тому
Использовать успел корму
Простолюдинов, нос вельможи
Творя из самой нежной кожи
На ягодицах. Если тот,
Кто дал ему свой зад, помрёт,
То нос отвалится, вестимо.

Был согнут наш герой. Не схима
Его согнула, словно он
Энеем был, кто нёс сквозь стон
Троянцев всех отца Анхиза.
Нет, части те, что в теле снизу

---

¹³ Монахи-францисканцы, которых так называли из-за того, что они подпоясывались верёвками.

¹⁴ Талиакотием в других странах называли итальянца Гаспаре Тальякоцци (1545–1599), одного из первых пластических хирургов, разработавших ринопластику. Он поправлял дворянству носы, покалеченные в дуэлях, пересаживая кожу с частей тела простолюдинов.

Располагаются, гнели
Герою спину. До земли
Порой склонялся он от груза
Сего. Попробую рейтузы
Его я ниже описать.
Любил поесть он и в кровать
Не шёл без трапезы обильной.
Чтил сыр и мясо из коптильной,
Какие в сёлах подают.
Но я вернусь к еде, а тут
Мы скажем пару слов, как эти,
О жёлтом кожаном дублете¹⁵.

Итак, дублет. Его храня
Не от меча, так от коня
Ляганья, сэру Гудибрасу
Он был бронёй. Он встретил массу
Мечей, но не был всё ж готов
Терпеть на теле синяков¹⁶.

Его штаны иль бриджи были
Ужасно широки. Их шили
Не на него. И слух ходил,
Что при Булони их носил
Король наш неуёмный Гарри¹⁷.
Другие возражали баре,
Считая, что в них сыр и хлеб
Сэр Гудибрас хранит. Потреб
В тех много для того, кто в страшной
Участье принял рукопашной.
На самом деле он таскал
Тех в шоссах иль чулках. Оскал
Свой тут являли мыши в поле,
Грызя в них дыры. Поневоле
Тех станешь проклинать, когда
Особо ранен. Мышь всегда,
Если её не тяпнуть, будто
Защитница стоит редута.
Считалось людом в старину,
Что рыцарь, идя на войну,
Не пьёт-не ест. По регионам
Он проезжает истощённым
Войной, где нету ничего,
Что может прокормить его,

---

¹⁵ Мужская верхняя одежда, распространённая в Западной Европе в период с 1330-х по 1660-е годы.

¹⁶ Сэр Уолтер Рэли (1552–1618), великий путешественник, бретёр, поэт, фаворит Елизаветы I, говорил: «Быть ударенным мечом, это по-мужски, но быть ударенным палкой, это по-рабски». Дворяне были готовы к ранам, но не к тумакам или пощёчинам.

¹⁷ Король Генрих VIII осаждал Булонь лично в 1544 году. К тому времени он был очень толст.

Ну разве что трава. Отсюда
Люд сделал выводы, что блюда
Желудку сэра ни к чему.
Довлеют, мол, его уму
Лишь битвы. Это мненье – ересь.
Король Артур, сто раз уверясь
В том, что равны все, изобрёл,
Круглей, чем фижма, круглый стол,
За коим сидя, сэры в деле
Усердствовали, то есть ели.
Другие говорят тишком,
Что круглый стол был сундуком
Для оленины холодильным.
Суют фантазию иль былъ нам,
Не знаю, только каждый сыт
Был рыцарский там индивид.
Лирическое отступление
Прерву я. Гудибрас на сцене
У нас солирует. Пора
Оружье выдать на-гора.

Меч Гудибрас носил подмышкой
Привязанным. А гарда с крышкой
Была, точь-в-точь сковорода.
Он пули лил в ней, иногда
Постреливая в кур. В Толедо
Был сделан меч, но для обеда
Себе его избрала ржа,
Съев часть клинка. Его держа,
Сэр Гудибрас не знал, какая
Часть отвалиться может с края.
В тех ножнах, где он обитал,
Дна не было: он чуть торчал,
Показывая видом бравым,
Что нет конца его управам.
Но извлекаться целиком
Из них он не любил. Влеком
Он тем не менее был в сечу
Время от времени. Переча
Своей природе, он разил
И тут же возвращался в тыл,
Смел, как констебль, кто при аресте
Плечо вам мнёт в развязном жесте.
Сей меч пажа имел – кинжал,
Что не по возрасту был мал.
Глядел он карликом на стати
Меча, у сэра на подхвате.
Он был хорош для ерунды:
Почистить ногти иль плоды,

Порезать сыр для мышеловок.
Короче, он был мал, но ловок.
Он грязь счищал с подошв и лук
Выкапывал. Одним из слуг
Он доводился пивовару¹⁸,
Кто поимел их всех на шару,
Но бросил барина. Теперь
Уж все повадились за дверь.

К седлу крепились Гудибраса
Два терцероля¹⁹, ну и мясо,
Что не вместилось в шоссы. Крыс
Оно влекло. Он сверху вниз
Стрелял их, что надёжней было,
Чем все ловушки иль страшила.
Не спал он по ночам. Бивак
Его был еженощным, враг
Четвероногий чтоб не спасся,
Напав на пищу Гудибраса.

Вооружённый до зубов,
В дни мира был он в бой готов.
Но мало лишь вооружиться,
Сперва он должен водрузиться
На своего коня. Одно
Лишь стремя было, и оно
Так высоко притом висело,
Что вставить ногу – сэра тело
Не позволяло. Кое-как
Взобрался он в седло, башмак
Оставив в стремени, и тут же
Чуть не упал под весом туши
Своей, хватая хвост. Тот был
Ему заменой удил
Так же, как грива. Сэр наш сбрую
Всему предпочитал такую.

Но прежде, чем идти вперёд,
Нам надо рассказать, кто тот
Был конь, что нашего героя
Вёз в бой, а также с поля боя.
Он крупен был, высок, со ртом,
Для пищи развитым, притом
Он крив был; многие твердили,
Что слеп совсем. Когда он в мыле
Галопом мчался, предсказать

---

¹⁸ Говорят, у Оливера Кромвеля была доля в пивном деле. Во всяком случае, его постоянно высмеивали за это.

¹⁹ Маленький пистолет с кремнёвым замком.

Было нельзя, в какую гать
Он вляпается. Шпоры мало
Влияли на него. Закалу
Его завидовали: сбит
Он крепко был, а вид копыт
Похож на пальцы человечьи,
Он был наследником предтечи
Его у Цезаря²⁰, ступал
Он мягко, если не скакал.
Он приседать умел и низко,
Чтоб мог хозяин сесть без риска
Упасть, и сэр наш Гудибрас
Тем пользовался и не раз.
Под чепраком была вся кожа
Коня истёрта, рёбра тоже
Торчали, словно кто-то, хвост
Минуя, напахал борозд
Достаточно на конском теле.
С хвоста на всадника летели
Лишь грязи брызги, когда тот
Пинался пятками в живот,
Верней в бока. Одна лишь шпора
Была у сэра, чтобы споро
Послать коня в аллюр, чей круп
Брыкался, если он был груб.

У сэра был оруженосец,
Не хмурьте ваших переносиц
При имени его простом.
Он звался Рафом, все гуртом
Его зачем-то звали Ральфо.
В повествованье нашем альфа
Он и омега. Буду я
Звать так и так его. Руля
Взамен нам рифмы, как в минуту
Припрёт их, так и звать я буду.
Он по рождению был швецом.
Дидоне Карфаген трудом
Швеца достался: бычью шкуру
На ленты тот разрезал²¹. Хмуру
Глядел наш Раф, но добрым слыл.
Его далёкий предок, сил
Набравшись, «корточников» секту

---

²⁰ Светоний утверждал, что передние копыта у коня Цезаря напоминали человеческие пальцы ног. Таким был монумент ему возле храма Венеры в Риме.

²¹ Дидоне предложили землю, которую может покрыть шкура быка. Её она разрезала на полоски, получив 40 квадратных километров территории. У Вергилия: «Прибыли к месту они, где ныне громадные видишь / Стены и где поднимается новой Карфагены крепость, / Землю купив (что зовут по названью события Бирсой), – / Столько, сколько бычачьей шкурой могли опоясать» («Энеида», глава I, ст. 365–368, пер. В. Брюсова).

Образовал, и этот некто
Бил сарацинов²². Сквайр наш ад
Не раз видал²³. Он, говорят,
Энею был подобен, копи
Златые зревшему там. Копий
Он навидался их: парчи
Златой, что носят богачи.
Он тоже много знал, не мене,
Чем рыцарь наш. Он *просветленье*,
Наверно, получил иль *дар*
Небес. Как барин-пивовар,
Книг не читал он. Это знание
Пришло само. Мозги в рыдване,
Разбитом сплошь, к нему с небес
Спустились: с ними, словно без.
Дарёному коню – мне любви
Пословицы – не смотрят в зубы,
И Ральфо не подозревал,
Что мозг его не то, чтоб мал
Был слишком, но с одним дефектом:
Он впитывал всё, словно ректум.
Он пользовался мозгом, как
Свободный человек, и брак
Его не замечал. Святые
Живут так: в полуамнезии.
Когда он говорил, то речь
Мутил он кашлем, ибо течь
Там не было чему. Как нитку
В иголку, продевал он прытко
Все умозаключенья, не
Стремясь остаться в стороне.
Себя всегда считал он правым,
Хоть отличался светлым нравом,
В том смысле, что сей свет знаком
Лишь тем, кто чтутся фонарём.
Его, что больше свойствен овнам,
Чем людям, мы зовём духовным.
Он *ignis fatuus*²⁴, болот
И кладбищ житель, нас влечёт
В трясину, христианства ради,
Чтоб мы ныряли в этом смраде
За искуплением грехов,
Как утки. Сей огонь таков,
Что в нос святым вдувает, вроде

---

²² Обычный розыгрыш автора. Швецы, как правило, сидели на корточках, занимаясь своим делом. Монументы рыцарей в Святой Земле часто изображали их сидящими на корточках.

²³ «Адом» у английских портных называлось то место в мастерской, где были свалены обрезки дорогих тканей, кружева и тому подобное. Здесь также аллюзия на спуск Энея в Аид.

²⁴ Глупый огонь (*лат.*) – термин для блуждающих болотных огоньков.

Волынок, бред шальных мелодий,
В душах пустых живёт он, им
Внушая шёпотом, что зрим,
На языке, который, греем
Огнём, знаком лишь иереям.
Так Феб или одна из муз
Поэтам сваливает груз
На сердце, чтоб, назло всем пеням,
Освободить их душу пеньем.

Так Ральфо, вследствие огня
Сего, стал вещуном, дразня
Хозяина тем, что он гадко
Порой, но резал правду-матку.

К мистическому знанию шла
С того момента каббала,
Как смог зелёными штанами
Обзавестись Адам. Есть в хламе
Мистическом зерно, есть ум,
Идеи есть, и даже шум,
Который называют верой,
По поводу той вечной *Terra
Incognita*, что ждёт всех нас,
Не вовсе пуст. Окультный глас
Ирландцев или же Агриппы²⁵
Известен, несмотря на хрипы,
Почти что всем. Антропософ
И Якоб Бёме²⁶ силой слов
Довольно многих убедили,
Зла не творя. На этой силе
И розенкрейцеры взошли.
Порфирий, кажется, с земли
Мог слышать, что болтают птицы²⁷.
Мы скоро будем все гнездиться,
Подобно им. А Ральфо мог
Вступать в открытый диалог
С каким-нибудь карминным ара²⁸,
«Дур-р-ак» кричащим. Эта пара
Всех привлекала. Но он был
Против того, что он дебил.
Он мог бы, как иные, числа

---

²⁵ Агриппа Неттесгеймский (1486–1535) – знаменитый немецкий мистик, автор трактата «О тайной философии» (1510).

²⁶ Под «антропософом» имеется в виду Томас Воган (1622–1666), английский священник-мистик, автор трактата «*Antroposophia Theomagica*» (1650), где он описывает жизнь человека после смерти; Якоб Бёме (1575–1624) – саксонский теософ, христианский мистик.

²⁷ Порфирий (232/233–304/306) – философ-неоплатоник, утверждавший, в частности, что язык птиц можно понимать, что он содержит предсказания.

²⁸ Род попугаев.

Снабдить душой²⁹. Чтоб та не скисла,
Хранить её в графине, как
Простую воду. Капнуть в зрак
Её достаточно, чтоб стали
Все люди совами. В детали
Он не вдавался. Сей пострел,
Однако, утверждал, что зрел
Первоматерию нагою
И что её познал. Такою,
Мол, та была до форм своих.
Он хаос тоже зрел. Он лих
Был врать, сам веря в сказки эти.
На ярмарке так верят дети
Марионеткам. Старший брат
Всей Реформации – парад
Библейский кукол. Впрочем, детки
Её все сплошь марионетки.
Раф был на предсказанья скор —
Кого убьют, чей пышный двор
Осиротеет, кто в сраженье
Потерпит крах. Его прозренья
К затмению солнца и луны
Не относились, но должны
Свидетельствовать были людям
О свете внутреннем. Мы судим
Ведь часто по раскладу звёзд
О мире. Ральфо же был прост
И от души вещал, но в точку
Порою попадал. Цепочку
Загадок представляет свод.
Мол, всё планеты наперёд
О том, что происходит, знают.
По ним вот люди и вещают.
Венера с Марсом с неких пор
Ответ дают, кто ложку спёр.
Они хоть немые, но по виду
Их судят, кто нанёс обиду.
Так Марс в ответе за разбой.
Ему известен, де, любой,
Кто в мыслях лишь грозит обманом
Грабителя часам карманным.
Меркурий тоже воровством
Заведует – тем, чем влеком
Как бог он. В общем, их миганье
На небе – путь к житейской тайне,
Что будет с тем, кто сгоряча

---

²⁹ Платон, согласно Аристотелю, утверждал, что есть числа сами по себе, как бывают случаи без причин. Пифагор считал, что всё чувствующее состоит из чисел.

Вместо таблетки счёт врача
Сжевал, к примеру, иль ребёнок
Кем станет, выйдя из пелёнок.
Астрологи по пульсу звёзд
Вам скажут про падёж, прирост
Овец, а коль у вас чесотка,
Они вам провешают кротко,
К чему она – к богатству иль
К рогам. Тут важен скромный стиль
Пророчеств, без любой бравады.
О будущем услышать рады
Почти что все, и так они
Всех надувают сыскони,
Нам говоря, что звёзды это
Мудры, а не они. Планеты
Раф игнорировал, избрав
Религиозный курс. Был Раф,
Как я сказал, устами Бога,
Хоть и подвинутым немного.

Так сэр и сквайр сошлись, кто был
Из них главней, я б не судил,
Они равны во всём, друг друга,
Бесспорно, стоя. Их потуга
На ум взаимною была.
Их благочестью похвала
Лишь надлежит. Отвагой тоже
Были они весьма похожи.
Итак, усевшись на коней,
Они поехали, верней
Миль пару бойко протрусили.
Но тут судьба, что вечно в силе
Нагадить, им преподнесла
Сюрприз. О том, как их дела
Пошли, я расскажу, лишь музу
На помощь призову. Союзу
С ней нашему давно грозят
Зоилы³⁰, говоря, что лад
Хромает мой, как у жонглёра,
Кто ловит шарики не споро.
Не спорю, но тогда мой стих
Пусть будет разбитным, как псих,
Как слог Уизера³¹, кто еле
На двух своих стоит от эля.
Зоилы любят тех, кого

---

³⁰ Ставшее нарицательным имя греческого оратора и философа, отличавшегося язвительностью и мелочностью.

³¹ Джордж Уизер (1588–1667) – плодовитый пуританский поэт, современник Батлера, автор пространных эклог, одна из которых, в восьми песнях, посвящена лондонской чуме 1625 года. Он ещё раз будет упомянут в «Гудибрасе».

Всем обделило божество,
Кто без конца строчат сатиры,
Как бы для пользы нас и мира.
Они высоко ставят ум
Того, кто туп, предвзят, угрюм,
Кто славит сам себя, понеже
Вокруг него, мол, все невежи,
И выставляет свой портрет
С рифмовкой, коей хуже нет.
Остались на Парнасе те, кто
Убоги в смысле интеллекта.
Нельзя писать так, чтоб язык
Нуждался в переводе. Тик
Начаться может от усилий
Понять, что милю там за милей
Они строчат. О муза, дай
Мне сил, и я скажу: «Прощай»!

На западе есть городишко,
На этом всё³². Тот болтунишка,
Кто тó речёт, что ясно всем.
Краткость есть благо. Буду нем
Я лучше. Коль поймут, прекрасно,
А нет: что говорить напрасно?
Съезжались люди в город тот
На рынок с ярмаркой. Народ
Любил подёргаться под скрипку,
Что допускало даже сшибку
Пар в танце. Но теперь всех там
Ждал спорт, что всем известен нам
Как *bear-бейтинг*, то есть травля
Медведя. Я своих направлю
Туда героев. Говорят,
Что этот весь пошёл обряд
От греков, от Истмийских или
Немейских игр. Медведь по силе
Не уступает льву. Есть те,
Кто утверждают: в мерзлоте
Медведь лишь выживает, полюс
Ему как столб. Короче, полис
Весь этот занят был одним:
Медвежьей травлей. Аноним
На поле вышел и, как даве
Ведётся, предпослал забаве
Предупрежденье от лица
Медведя: близко от кольца

---

³² По всей видимости, имеется в виду город Brentford, что в 13 километрах к западу от Чаринг-Кросс. Сейчас часть «большого Лондона».

Его цепи не находиться.
Отмерена сороковица
Была земельных футов от
Его столба. А коль народ
Не сдержится, есть риск медведем
Быть покалеченным. Мы бредим
Героикой, конечно, но
Такая травма всё ж пятно
На репутации и чести.
Зверь на цепи ярится вместе
С собаками, его судьба —
Не отдаляться от столба,
Давая им отпор. Он рьяным
Становится, тяжёлым ранам
Всех подвергая. В этот миг
Ему равно: ты пёс, мужик
Иль рыцарь. Гудибрас наш миром
Решил окончить то, что пиром
Кровавым было стать должно.
В нём совесть говорила, но
И пуританство, ибо травель
Те не выносят. «Вы не вправе ль, —
Тут Ральфо встрял, — вмешаться, чтоб
Люд от медведя не огрѐб?
Констебль, кто горд курульным стулом³³,
Нас ниже по уму. Все гулом
Встречают травлю, но Фарос³⁴
Ума нас выше их вознёс.
Власть перед пролетариатом
Пасует, диким и лохматым.
Медведя диспут и собак
От человеческих никак
Не отличается: коль первый
Кровав, второй всё кроет червой.
*Quantum in nobis*³⁵, обойтись
Без христианской крови высь
Нас призывает. Надо как-то
Свести к нулю наличие факта
Дуэли между псами и
Медведем, избежав их при».

Ответил Гудибрас: «Ужели
Свободы наши, наши цели
И жизни не подчинены

---

³³ Складной стул из слоновьей кости, на котором в древнем Риме сидели государственные лица: консулы, преторы, эдилы и так далее. Изначально, трон римских царей.

³⁴ Фаросский маяк в Александрии, одно из семи чудес света.

³⁵ Насколько возможно (*лат.*).

Завету все? С концом войны
Между людьми пришёл потехе
Медвежьей *fin*³⁶. В зверином мехе
Собачьим нечего клыкам
Копаться. Эти гул и гам
Суть происки иезуитов,
Извечных папских фаворитов,
Макиавеллиевский план,
*Nare olfact*³⁷ у христиан.
Стравить собак с медведем значит
Нас разделить. Нет, здесь маячит
Великий заговор. Врагов
У нас *plus satis*³⁸. Нету слов!
*Cane et angui peius*³⁹ злоба
Их против нас. Мечта их, чтобы
Вцепились мы друг в друга, как
Собаки в зверя. Хочет враг
*Кинарктомахией*⁴⁰ кровавой
Смутить навеки наши нравы.
И так святые долго нас
Водили за нос. Нюх не спас.
Хотел бы я псевдо-пророка,
Не так бы было одиноко,
*Volumus delere*⁴¹ всё зло,
Коль Провиденье б помогло.
В чьих интересах, чтобы в зверя
Другой вцеплялся, пасть ощеря?
Они ведь не воюют, тьмы
Прислужники, как бились мы, —
За церковь нашу, за доктрину,
За совести свободу, и на
Погибель шли мы скопом для
Того, чтоб свергнуть короля,
Чтобы никто, подобно греку,
Не поклонялся человеку.
В Египте поклонялись псам
И лили кровь за них. Сиам
Слоновым бивням пел осанну,
Цейлон обожил обезьяну,
А кто-то славил крыс. За них

---

³⁶ Конец (*лат.*).

³⁷ Нос нюхает (*лат.*).

³⁸ Более, чем достаточно (*лат.*).

³⁹ «Хуже змеиной с песьей...» (*лат.*). Выражение обозначает «крайнюю тревогу». Пошло от строчки Горация. В древнем Риме за отцеубийство человека сажали в мешок вместе с собакой, змеей и обезьяной, после чего бросали в воду. Выражение употребляется для констатации ужаса, например, перед головой Медузы, а также является обозначением ненависти к чему-то или к кому-то.

⁴⁰ Травля медведя, битар-бейтинг. Слово состоит из двух греческих: «*χύνω*» («собака») и «*αρκτος*» («медведь»).

⁴¹ Мы бы хотели стереть (*лат.*).

Прияли люди смерть. Сей свих
Был верой тоже. Этот бурый
Так слаб, что стать кандидатурой
На бога вряд ли может. Он
При всём убожестве умён
И знает нас получше многих.
Он добр, а мы в четвероногих
Вселяем ярость, это наш
Они перенимают раж.
Философы не зря твердили,
Что звери, кои в дружбе были
С людьми, все стали, как они.
У сучки есть кобель, свиньи
Осеменитель хряк. Но стадо
С другим дерётся до упада,
Как мы. Нерон велел людей
Христа – вот кто был всех злодей
Злодеев! – зашивать в медвежьи
Пустые шкуры, да, воеже
Травить их псами. С тех-то пор
Всё и пошло. Мой приговор
Нехристианскому занятию —
Конец, чтоб не срамить Распятье».

Тут Ральфо рёк: «Ясна мне суть
Суждений ваших. Травля – жуть,
Антихристьянская забава.
Что значит *беп-бейтинг*, право?
Таких двух слов в Писанье нет.
Есть, скажем, суета сует,
Но эта пара агрессивно
Груба, сиречь – богопротивна.
Потворствовать ей грех уже,
Как выйти к людям в неглиже.
А во-вторых, коль нет в Писанье
Такого, значит, это тцанье
Есть писанье нам в душу всем,
Кто чтит Христа. Сих слов тандем
Изобретенье, сатанюю
Внушённое, сиречь – пустое.
И в-третьих, будь сто раз медведь
Противен псам, сия комедь,
По сути, демоноговенье,
Идолатрия⁴². Здесь, на сцене,
Медведь, хоть и в оковах он,
Чтим людом, словно бог Дагон⁴³».

---

⁴² Обожествление, идолопоклонство.

⁴³ В Библии бог филистимлян.

Рёк Гудибрас: «Ты, Ральфо, верно
Всё описал. Я чую скверну.
Твой тезис, *ad ammusim*⁴⁴, ров
Копает под народный рёв.
Травля должна *jure divino*⁴⁵
Одобрена быть. То, что Сыну
Неведомо, вредит Отцу.
Синод продажен. Не к лицу
Поддерживать его. Я, барин,
*Totidem verbis*⁴⁶ солидарен
С тобой. И всё ж ошибся чуть
Твой *гомеозис*⁴⁷: травли суть
Порочна, но не беззаконна».

Ответил Ральфо: «Время оно,
Евангельское то есть, знать
Её вполне могло. Печать
Законности на ней, к несчастью,
Провинциальности и властью
Своею упоеня. Но
Коль две сравнить, они в одно
Сольются зло. Какое хуже,
Не скажем мы. Грех обнаружа
Такой, бороться нужно с ним,
Хоть для закона он и мним».

Рёк Гудибрас: «Сказал ты много.
*Mira de lente*⁴⁸, только Богу
Судить грехи. *Id est*⁴⁹, порей
В капусту превратить скорей
Возможно, чем с грехами сладить.
Ты, Раф, горяч. Нелепо гадить
Синоду, заявив, что тот
Медвежьих травель всех оплот.
Чем *bear-бейтинг* схож с делами
Церковными? Ничем. Но в раме
Такой испытывает криз,
Мой сквайр, *ejusdem generis*⁵⁰.
И есть ли *genus*⁵¹ в мире, чтобы
Понять, где совпадают оба?

---

⁴⁴ В то же время (*лат.*).

⁴⁵ По божественному закону (*лат.*).

⁴⁶ В стольких же словах (*лат.*).

⁴⁷ Подобие (*греч.*).

⁴⁸ Чудеса медлительности (*лат.*).

⁴⁹ То есть (*лат.*).

⁵⁰ Такого же типа (*лат.*).

⁵¹ Род, класс (*лат.*).

Коль зверь, на сей раз он медведь,
Рассматривает мир как снедь,
То мы, едя их, тоже звери
С одним отличьем только – в вере.
Но, Ральфо, здесь не место гать
На хлюпкой теме настилать.
Арена близко. Надо делом
Нам доказать, кто в свете целом
Решительней других. Сей спор
Не выиграть словами, створ
Коснувшись правды красноречьем.
Давай же эту хворь излечим
Атакой! Истина за нас!
Сквайр Ральфо и сэр Гудибрас
Восторжествуют. Хоть атаки
Не все успешны, мы в ней, аки
Орудья два, что взял Господь
В обе руки, чтоб зло колоть.
Унынью – нет, нет – вечной лени.
Я верю в предопределение,
Что суждено нам на роду,
То сбудется. Один пойду
Я, если надо. Все деянья
Великие вершатся втайне,
Подспудно, но не все они
Доводят дело до резни,
Не все они приводят к цели
Такой, как мнится нам в постели,
Бывает, замысел велик,
А на поверку – только пшик,
Когда отказывает смелость,
А руки сводит онемелость.
Мы Богом определены
Попрать потеху старины.
Не первые мы в этом: были
До нас герои, кто убили
Медведя, не спросясь толпы⁵².
Не сбить нас со своей тропы.
У нас две цели: это бурый
Зверюга их, ну и де-юре
Скрипач, кто разжигает страсть
Толпы и псов. Тебе я часть
Отдам своей великой славы,
Что ждёт нас от победы бравой.
Есть за границей мамелюк,
Которого зовут сэр Люк⁵³,

---

⁵² Оливер Кромвель собственноручно убил двух медведей во время беар-бейтинга.

⁵³ Сэр Сэмюэл Люк был членом городского совета и часто пускался в разные приключения, включая разгон медвежьей

Меня с ним сравнивают часто
По сходству, а не по контрасту:
Мы оба сильны, с бородой,
Что отливает краснотой.
Мы оба в армии служили
И оба были в ней двужилей
Других. Предпринял он разгон
Медвежьей травли. Осенён
Он лавром был за битву эту.
Так что – вперёд! Покажем свету,
Что мы не хуже. Честь – вдова,
Которую берут раз, два
И три, а то есть – лишь нахрапом.
А постепенность, тихим сапам
Подобная, она для дев
Годится, я же в битве лев».

Ударил тут он ржавой шпорой
Коня. Лаокоон, который
Копьё в Троянского коня
Послал, сравним с ним. Семеня
Едва, конь побежал галопом,
Живот отдался гулко, топом
Переменяясь. Сэра хвост
Теплом обдал, каким зюйд-ост
Здесь славен. Чем он гнал конягу
Быстрее, тем та сбивалась с шага.

Песнь вторая

Краткое содержание:

*Здесь будет целый каталог
Характеров военных. Рок
Решишь, кому взять верх. Талгола
Наш встретит рыцарь. Будет соло
Медведя. Скрипача пленит
Наш сэра. В Бастилию, на вид
Довольно хлипкую, из брёвен,
Запрёт. Рассказ мой многословен.*

Читал ли Эмпедокл – вопрос, —
Что Александр писал наш Росс⁵⁴?
Что мир стоит на тяготенье
Друг к другу и на прях. Всё чтенье
Романов – это битвы и

травли.

⁵⁴ Александр Росс (1590–1654) – шотландский писатель и переводчик, был капелланом Карла I; перевёл Коран с французского на английский (1649); отстаивал идеи Аристотеля и не признавал гелиоцентрической теории Коперника. Греческий философ и поэт Эмпедокл жил за 2100 лет до Росса, считал, что мир основывается на притяжении стихий и на их соперничестве.

Любовь. Чтоб защитить свои
Права любовные, герои
Сражаются, а остальное —
Так, между прочим. Да, важна
Страсть на блажные имена
Ещё. Все рыцари, кто нынче
Живут, им подражают в клинче
И страсти. Как тот лорд, кто стёр
Всю улицу, чтоб свой шатёр
Поставить в камне⁵⁵. Эти сэры
В убийствах всё ж не знают меры,
Не думая о матерях,
О жёнах, детях. Лишь бы страх
Не заподозрили. Считали
Чтоб всех их монстрами из стали.
И всяк из этих страшных бар
Жрёт души многих. У татар
Обычай есть: коль зрят кого-то
Красивого, вся их забота
Убить его, чтоб силу, стать,
С душою вместе, перенять.
Вся радость тех и этих в горле
Чужом, чтоб бросить сверху орлий
Взор на лежащий труп. Расклад
Другой, коль бьётся наш солдат,
Допустим, с великаном. Сила
Нужна громадная, чтоб брыла
Его отвисла, когда с плеч
Башку ему отрежет меч.
Мозги, по слухам, великаньи
Врачуют, коль прижать их к ране,
Но это слух, как у бобров
Бальзам внутри семенников⁵⁶.
Пора бы мне и возвратиться
К своим героям. Ягодицы
Они набили скачкой. Мой
Сэр Гудибрас стремился в бой.
Я никогда вам лгать не стану,
Что он угробил великана,
Цель сэра – мишка и скрипач.
Итак, он с Ральфо мчится вскачь.

Когда пишу я «вскачь», аллюром
Каким, не знаю. К встрече с бурым

---

⁵⁵ Имеется в виду Эдвард Сеймур (1500–1552), кто при своём племяннике, юном короле Эдварде VI, снёс две церкви и три епископских дома, чтобы построить Сомерсет-хаус – здание, занимающее целый квартал между Стрэндом и Темзой в Лондоне.

⁵⁶ Во времена Батлера, как и раньше, бобров убивали не только ради шкур, но и из-за их тестикул, в которых якобы было скрыто чудодейственное лекарство.

Несла их иноходь иль рысь.
Читатель, право, не ярись,
Не знаю я. Пусть рысью будет.
Народ гудит, рядит и судит
О том, как бой пойдёт, пока
Наш сэр наяривал конька.
Животные, согласно куче
Философов, вот так живучи,
Поскольку представляют ряд
Моторов. Весь их вид и лад
Механика без божьей искры,
Поэтому они так быстры.
Их перводвигатель нам дал
Для управленья. Кто сказал
Такое, мог бы аргументы
Привести, что от пингвинов генту⁵⁷
Британцы все произошли.
Они скакали, как могли,
Пока моторы их домчали
К арене, к полю при Фарсале⁵⁸.
Всё к битве шло. Наш сэр привстал
В седле, чтоб видеть весь овал
Его. Так карлик на гравюре
Стоит и смотрит, брови хмуря,
На великановых плечах,
И зрит, испытывая страх,
Яснее всё, чем тот. С коняги
Сэр видел и войска, и флаги,
Но недостаточно, чтоб знать
Число, с которым вышла рать.
Он Ральфо, кто был в битвах редко,
Велит скакать к ней на разведку,
Чтоб выяснить число и как
Вооружён для боя враг,
Чтоб соответствовать в сраженье
Ему в своём вооруженье.
Оружья оба вида он
Осматривает. Из ножон
Не достаёт меча покамест.
Плацдарм пред ним довольно ямист
Для верхового боя. Хмур,
Он терцероли⁵⁹ из кобур
Их вынимает. Пули в дулах.
Вспушилась борода на скулах,

---

⁵⁷ Вид пингвинов из рода антарктических.

⁵⁸ Намёк на битву при Фарсале 9 августа 48 года до н. э., решающую в гражданской войне между Юлием Цезарем и Помпеем Великим, которую выиграл Цезарь.

⁵⁹ Небольшие дульнозарядные пистолеты с одним или двумя стволами.

Когда он попытался меч
Свой ржавый из ножен извлечь.
Ну, наконец, извлёк. Готово!
Он в стремени одном, по зову
Отваги в нём, привстал, как мог,
Держась за гриву. Тут восток
Был должен весь бы озариться
Кометой, что войны истица,
Ан нет. Вернулся Ральфо. Скор
Он был стонять к врагу. Филёр
Из Ральфо был отличный. Фланги
И центр во вражеской фаланге
Он описал подробно, склер
Не пожалев. Встал фиделер⁶⁰
Там во главе. И фиделера
Того все звали Краудеро⁶¹.
На бой труба иль барабан
Обычно кличут. С глаз дурман
Слетает сразу. Звук их зычен,
Как гром, что, говорят, затычин
В бочонках пива не щадит,
Те вылетают вмиг. Гоплит⁶²
Наш нынешний под барабанный
Бой в битву прёт походкой бранной.
Свою скрипицу тот подпёр
Щекою левой к шее. Вздор,
Конечно, но палач в том месте
Петлю накидывает. Вести
Принёс такие Ральфо. В шок
Его повергли из кишок
Овечьих струны, что тот ухом
Своим касался. Ратным духом
Так веяло от скрипача,
Что запыхался Раф, скача.
Кишки, когда они сырые,
Идут на колбасу. Но вые
Его сушёные как раз
Все были. Ноги сами в пляс
Пускались. Слыл он менестрелем,
Каких уж нет. Чудным издельем
Был и смычок: из бороды
Такой же длинной, как ряды
Торговые, скрипач волосьев
Надёргал для него, отбросив
Обычай мастерить смычки

---

⁶⁰ Скрипач.

⁶¹ Имя образовано от английского слова «crowd» – «толпа».

⁶² Тяжелооружённый греческий пеший воин.

Из конского хвоста. Таки
Он виртуозом был. С ним рядом,
С хвостом и бородой, со взглядом
Довольно диким, впал в азарт
Хирон, четырёхлапый бард.

Обряд такой был в Стаффордшире
При Ричарде II: кто в мире
Прославится как менестрель,
Давать быка. Вернее – цель
Бык выбирал. (Так конь в державе
Персидской ржал пред тем, кто вправе
Потом был трон занять). Обряд
Сей выжил до сейчас. Солдат
Скрипицы должен был короной
Венчаться, но толпой влюблённой
Повергнутый, сломал, упав,
В колене ногу. Костоправ
Помочь не смог. И путь свой тяжкий
Земной дубовой деревяшкой
С тех пор он мерит, ей стуча.

Вторым, ну после скрипача,
Шёл Орсин. Был он знаменитым
На войнах и ни разу битым.
Великий лидер, он теперь
Заведовал медведем. Зверь
Был чемпионом. Орсин споро
Тряс головою шестопёра,
Суров лицом, словно Перу
Вице-король. Его нутру
Привычны были и атака,
И отступление. Ждал лишь знака
Его медведь, чтоб размотать
Всю цепь иль на две лапы встать.
Юристы, будь медведь ответчик,
А псы истцами, мёда глечик⁶³
Ему бы дали, а потом
«Ату» вскричали б всем гуртом.
Как Ромул вскормлен был волчицей,
Так Орсин медведихой. Вице-
Король толпы всосал и нрав
Медвежий нападать стремглав,
И отступать, круша всё. Движим
Он дисциплиной был, Парижем
Воспитанной. Здесь ни при чём
Столица Франции. Мечом

---

⁶³ Горшок.

Владел он с лагеря, что звали
Парижем. Раньше там давали
Медвежи травли, а с войной
Он стал ристаньем с сатаной.
Париж был изначально садом,
Но сорняками в нём и рядом
Произросли солдаты. Их
Не выполоть, пустив на жмых
Для лошадей. У Боккалини⁶⁴
Описано, как Феб из сини
Сулил награду за патент,
Что выдумал бы инструмент
Для избавленья от осота.
Такой нашёлся. Древний кто-то
Его уже придумал. Взрыв
Уничтожал сорняк, но жив
Цветок при этом был садовый.
Феб рёк: «Увы, друзья, такого
Не может быть». «Что значит „нет“?! —
Вскричали принцы. — Вы сам свет,
Вам всё легко!» Сказал Аполло
На это: «Барабаны долу
Пусть бьют — исчезнут сорняки».
Добавив: «Звук мне не с руки,
Он слишком громкий». Принцы взяли
С собою барабан и в дали
Английские попёрлись, чтоб
Патент продать. Какой-то жлоб —
Клерк, парл., пал. общин — вывел лихо
На нём. Хоть удалась шумиха —
Бил очень громко барабан, —
В саду лишь пуще рос бурьян.
Вернёмся к Орсину. Обычно
Писатели поры античной
Таких изображали как
Всепобеждающих вояк.
Историки б его назвали
Вождём и воином, детали
При этом опустил. Он был
Высокородным: сын светил
Небесных или кто-то вроде
Того. Хранится миф в народе,
Что полубоги знать имён

---

⁶⁴ Траяно Боккалини (1556–1613) – итальянский сатирик, автор знаменитой книги «Новости с Парнаса» (1613), которую своими словами пересказывает Батлер. Принцы обращаются к Аполлону, поскольку тот придумал трубы и барабаны, которые пугают врага, чтобы тот дал им избавление от сорных трав. Аполлон предлагает грабли и мотыги. Во время гражданской войны пуританские власти были озабочены отсутствием изобретений и сулили награды за новые патенты. Одержимость патентами началась с Якова I (1566–1625). Все они должны были быть представлены королю и совету до своего утверждения генеральным прокурором. При Кромвеле достаточно было одобрения парламентского клерка.

Отцов не могут. Так Ион
Не знал, что был он сыном Феба⁶⁵.
Обычно те приходят с неба
В окно, как Зевс, и матерей
Творят из жён, кто всех милей,
А сыновья идут в герои.
Гомер их высмеял у Трои.
У Орсина же в предках был
Наверняка арктософил⁶⁶.
И имени его значенье
Такое подтверждает мненье⁶⁷.
Он сведущ был в лекарствах. Так
Носил кисет он, что набряк
Волшебным порошком. Тот раны
Подобьем матовой мембраны
Затягивал, так говорят.
Кто медикус был, мы навряд
Узнаем. Я надеюсь, что он
Не шарлатан. Кристаллизован,
Мол, порошок был, дома вне,
На прометеевом огне
И прочая. Мы все слышали
Такое от заезжей швали,
Что вам всучит дерьмо с мочой
По плате самой небольшой.
Ещё порой они слюною
Торгуют, что своей льняною
Прохладой воспаленье от
Фекалий прежних перебьёт.
Короче, Орсиново зелье
Целило всё, что те сумели
Попортить. Орсин был умён
И знающ. В этом точно он
Превосходил других. Гомером
Врачи воспеты. Ихним сферам
В подмётки не идут те, кто
Скопленье мышц. Я б отдал сто
Бойцов за эскулапа. Впрочем,
В пылу был Орсин наш охочим
До жизней недругов и брал
Их множество, от крови ал.

С ним рядом Бруин. Зубы скаля,
Он словно улыбался. А-ля

---

⁶⁵ Согласно драме Еврипида «Ион», прародитель ионийцев был зачат царицей Афин Креусой после изнасилованья её Аполлоном.

⁶⁶ Любитель медведей, неологизм от греческого «арктос».

⁶⁷ Орсин происходит от латинского «ursinus», что означает «медведеподобный».

Какой-то смуглый сарацин
Он выглядел. Такой один
Он среди всех. В носу, как будто
Раджа, носил кольцо он. Тута
Черней он был, местами сер.
Не пёс, а носчик *de la guerre*⁶⁸.
У горла он двойным горжетом
Был укреплён, точнее в этом
Ранимом месте мех был густ
Особенно. Как златоуст
Сказал бы, он вооружённым
Был до зубов. Клыкам хвалёным
Его поэт бы отдал дань.
Клыки идущему на брань
Взамен меча, хотя в дни мира
Лишь средство кости грызть. Задира
Он был, по слухам – московит,
Хоть буен, но и мозговит.
Казаки, де, его взрастили,
О коих мы в газетном мыле
Читаем что ни день, а там,
В России, кружат по степям.
У Бруина был брат, германец,
С ним не один те брали шанец,
Кормясь отбросами. Когда
Не стало их, пришла беда:
Германец когти сгрыз до мяса.
Его сородич, гунн, припасы
Свои хранил под чепраком
И задницею грел. В таком
Он виде ел их. Но героя
Сказанья моего сырое
Мясо устраивало, коль
Такое попадалось. Воль
Он навидался в разных странах.
Леблан, француз, оставил данных
Об оных множество, жену
Аж в Индии найдя. Войну
Наш Бруин лучше знал Леблана,
Напутешествовавшись рьяно.
Мой Орсин и Талгол всегда
Сражались, не разлей вода
Друг с другом были: пас медведя
Один; другой, о славе бредя,
Гражданский получить венюк
Мечтал за то, что друга смог

---

⁶⁸ Войны (*фр.*).

Спасти⁶⁹, а так он был кинолог,
Наставник псов. Обоих долог
Был к славе путь. За пуритан
От сябров натерпелись ран
Они премного. От бурёнок
Талгол особенно, был звонок
Собачий лай, когда готов
Он был крушить их меж рогов.

Талгол хоть бился часто, чаще
Он побеждал, чем бился, аще,
Как олимпийский чемпион,
Натёрт льняным был маслом он.
И всё же много вдов оставил
Он на земле. Военных правил
Не нарушал он, кабанов
Травя. Особенно суров
Он был с коровами, пугая
Их кулаками. Дублем Гая
Его народ считал. Убил
Гай из Уорвика, кто сил
Имел во множестве, корову
Буланую, поддавшись зову
Народа⁷⁰. С войском наш боец
Сражался блеющих овец,
Вроде Аякса с Дон Кихотом⁷¹.
Мух над говьядами, на вотум
Доверия от мясников
Ссылаясь, бил он, как врагов.
Он был бы повстречать в восторге
Дракона, как Святой Георгий.
Ни мор, ни докторá числа
Такого, как Талгол, хоть зла
Он не творил, в ад не сослали.
Он полубогом был, в серале
Зачатым олимпийском, чтоб
Героем стать. Он бил то в лоб
Врага, то в пах. Poznали тыщи
Его кувалды-кулачища.
Как Цезарь и Помпей, он брал
Количеством. Из них справлял
Триумфы каждый, людям лица
На двухколёсной колеснице
Показывая. А Талгол

---

⁶⁹ В Древнем Риме вручали венок за спасение жизни другого римлянина.

⁷⁰ Гай из Уорвика – популярный герой романсов (романов) XIII–XVII веков. Одним из его подвигов было убийство гигантской буланой коровы, истреблявшей округу.

⁷¹ Аякс, впав в безумие, истребил стадо овец, а Дон Кихот принял его же за двух великанов.

Был скромн, хоть в бой многих вёл.

Итак, теперь черёд Магнано.
Он воин был великий, рано
Познавший славу. Бился он
И с Орсином, но тот сражён,
Как остальные, не был. Вепрем
Он слыл во пре, что свой лишь дебрям.
Аякса семислойный щит
Держал он, что легко крушит
В сраженье все щиты другие,
Как будто мощью из куги и
Соломы те. Его кулак
Медь пробивал и гнул, как злак.
В оккультных сведущ он науках,
Как Роджер Бэкон⁷², в тяжких муках
Создавший медную башку,
Что знала всё. Я нареку
Его здесь Мерлином. Он магий
Друг, как и тот, хоть крут в отваге.
Он знал всё про небесный свод
И ничего про жизнь, забот
Исполненную. Цвет различный
Он принимал и свекловичный
Любил особенно. Святым
Прикинуться мог. Зря мы льстим
Себе, что личность постоянна.
Как дьявол, лик менял Магнано.
Он автором был всех машин
Убийства. Пушка, карабин
И бландербасс⁷³ – изобретенья
Его. Страну всю взбутетенья,
Он изобрёл доол⁷⁴, с концов
Обоих громкий. Медник шов
На олове с его подачи
Паяет, блюда все портача.
Он здесь вооружён копьём
И пикой. Мы второю бьём,
А первое бросаем. В войске
Он стал своим, дерясь геройски,
Когда же драпало оно,
Он вбит был в землю, как бревно.

Любил он Труллу. Той прикрасы

---

⁷² Роджер Бэкон (1220–1292) – францисканский монах, философ, учёный, алхимик. По легенде, он создал медно-бронзовую голову, которая говорила и знала будущее. Считается изобретателем пороха, как Бертольд Шварц.

⁷³ Британский мушкетный пистолет.

⁷⁴ Двухсторонний барабан с мембранами из телячьей или бараньей кожи диаметром полметра.

Сияли посильней кирасы.
Ей был известен произвол,
Как Жанне д'Арк и нашей Молл⁷⁵.
Она прошла с Магнано трубы
Все медные. Такой голубы,
В несчастьях верной, свет не знал.
Она, короче, идеал
Собой являла. Если дело
В осаде было, то терпела
Она все трудности и в брешь
Стремилась первой. Если флеш⁷⁶
Магнано брал, она с ним рядом
Сражалась. В общем, всем отрядом
Командовала вместе с ним.
Об амазонках мы вершим
Свой вывод по Пентесилее⁷⁷.
Так вот она сражалась злее.
Я знаю, критики вскричат:
«Какой позор!» С голов до пят
Быть женщины должны примером
Домашности, а их манерам
Противоречит меч. Знал Рим,
Мол, много разных дам, но им
Всем воспрещалось Геркулесом,
Коль надо, клясться⁷⁸. Страшным весом
Лежит сей предрассудок на
Английских дамах. Ни одна
Не станет биться против турок.
Сидеть на спинах их каурок
Ногами в сторону одну
Их научили. На кону
Когда стояла жизнь, скакали
Они, как все⁷⁹. Для тонких талий
Меч упражненье лучше всех.
Армиду вспомните, не грех
Напомнить и про Фалестриду⁸⁰
Иль Родалинду, кто сильфиду
Являла, захотев возлечь

---

⁷⁵ Настоящее имя Мэри Карлтон. Она была очень знаменита в начале 1670-х как авантюристка и воровка. В 1671 году её сослали на Ямайку, но Мэри оттуда сбежала. Её поймали в Лондоне и повесили в 1673-м. Все называли её «Английская Молл».

⁷⁶ Наряду с реданами, военные полевые укрепления.

⁷⁷ Легендарная царица амазонок, пришла на помощь троянцам после гибели Гектора и была убита Ахиллом, который влюбился в неё после смерти. Её деяния описаны греческим поэтом VIII века до н. э. Арктином Милетским в эпической поэме «Эфиопида».

⁷⁸ В Риме только мужчины могли клясться Геркулесом, женщины клялись Кастором. Впрочем, тем и другим позволялось клясться его братом-близнецом Поллуксом.

⁷⁹ Ездить, сидя на лошади боком, английских женщин научила в 1388 году королева Анна, супруга Ричарда II. Прежде женщины сидели в седле так же, как мужчины.

⁸⁰ Армида – героиня поэмы Тассо «Освобождённый Иерусалим» (1581); Фалестрида – согласно легенде, последняя царица амазонок, встречавшаяся с Александром Македонским во время его похода в Азию.

С героем Гондибертом. Меч
Всегда при ней был. Тот же верен
Остался Бирте, бич царевен⁸¹.
Там сэр Уильям написал
Ещё, что никакой вассал
Не может править без вниманья
К поэзии. Снять одеянья
С природы можно и нагой
Её оставить, но герой
К поэзии обычно нуле-
вым всё ж горит пристрастьем. К Трулле
Вернёмся. Вам придётся всем
Принять на веру то, что вем,
Поскольку верят без изъятья
Все вракам, если те в печати.
А если нет, мои слова
Жизнь подтвердит, она права.

Шёл следующим Цердон бравый,
Себя покрывший бранной славой.
Великий Цердон, так народ
В балладах Цердона зовёт,
Как Геркулес, всегда вступался
За слабых он. Коль обувь с галса
Сбивалась, он её чинил
Набойками, что было сил.
Начитан мало, он баллады
Те игнорировал, и смлада
Носил с собой сапожный нож,
Что пробивал щиты из кож.
Он в этом равен был Аяксу,
Хоть чтит и шило он, и ваку.
Его далёкий предок был
Под Троей, и немало шил
Его ступилось с той осады.
Победам греки были рады,
Но больше обуви, когда
Она, словно кремень, тверда.
Когда сапожник был в ударе,
То мог чинить крыла таларий⁸².
Он, как его потомок, зван
Был сразу в лагерь пуритан,
Но обувь, что он правил, вскоре
Из моды вышла. Траекторий
Судьбы нельзя предугадать.

---

⁸¹ Батлер вольно пересказывает незаконченную эпическую поэму сэра Уильяма Давенанта (1606–1668) «Гондиберт» (1651), поклонником которой он являлся, равно как и её автора.

⁸² Крылатые сандалии, как у бога Гермеса.

Тогда он записался в рать.
Он грамотным был, даже, вроде,
Был силен в устном переводе,
Но больше в проповедях. Те
Его тянули к высоте.
Он в диспутах всегда был первым,
Когда их не было, он нервам
Давал немного отдохнуть,
И кротче овна был, что в путь
На алтаре идёт последний.
Чужих не принимал он бредней
И мнение своё с ножом
Отстаивал, колясь ежом.

Последним Кблон шёл, конюший
По должности. Изрядной тушей
Он обладал. Жесток с людьми
Он был и мягок с лошадьми.
Кентавром должен был родиться
Он в древности, свои копытца
Направив на порочный люд.
Он слит с конём был. Он свой кнут
Давно забросил. Конь любого
Движенья слушался и слова.
Но люди говорят, что тот
Ел человечину. Речёт
Народ наверняка пустое.
А если ел, что в том такое?
Плоть, как известно, лишь трава⁸³.
Мог Колон наш на счёт раз-два
Конюшни расчищать, как прежде
Сам Геркулес, что по одежде
Заметно было. Чрево он
Порвал, когда стремился вон.
Его родительница соли
Немало пролила и в стойле
Его вскормила, плюс коня.
Специалисты, оценив
Последнего, решили, что он
Так несусветно избалован,
Поскольку, как и Колон сам,
*Pertinet*⁸⁴ к голубым кровям,
А, значит, тёлки все и свиньи
Аналогичны с ним отныне,
Ведь звери, пока глины ком

---

⁸³ Это выражение принадлежит известному медику и барочному писателю Томасу Брауну (1605–1682), автору оккультного сочинения «Вероисповедание врачей» (1643).

⁸⁴ Принадлежит (*лат.*).

Не стал Адамом, чернозём
Обжили первыми и знатью
Являются на нём как братья.

Все эти воины, кого
Я описал, стояли во
Главе своих соединений,
Готовы, если что, свой гений
Военный в битве применить.
Чернь тоже проявила прыть,
Туда сбежавшись отовсюду.
Перечислять её не буду,
Но много было там толпы.
За Геркулесовы столпы
Дошло известие о травле.
Все языки там были. Прав ли
Тот был, кто их семь тыщ нашёл?
Из городов, поместий, сёл
Они сошлись. Там люди Книги
Присутствовали, и религий
Не меньше ста. Пришли одни
Из любопытства, но брони
Не пожалели там другие.
Толпа, вытягивая выи,
Гудела, когда в гущу масс
С разгона въехал Гудибрас
Со сквайром и, сраженье чуя,
К ним обратил всем речь такую:

«Сограждане! Какой здесь гнев
Довлеет, раз вы, озверев,
Хотите крови? *Ойстрос*⁸⁵ некий
Владеет вами. В человеке
Сей френетический⁸⁶ угар
Непозволителен. Вы чар
Хлебнули чьих-то. На арене
Сей всё витают приведенья
Неотомщённые⁸⁷. Вам бы
Его направить для борьбы,
А вы глядеть на кровь чужую
Здесь собрались, траву трамбуя.
Окститесь же! Святые не
Хотели бы, чтоб мы в резне
Гражданской вновь погрязли. Разве

---

⁸⁵ От греческого «οιотρος» – «овод» и «безумие».

⁸⁶ Неистовый.

⁸⁷ Древние греки считали, что убитые не могут попасть в Элизий, пока они не отомщены. До тех пор они вынуждены скитаться в виде приведений. Также имеется в виду битва при Раундвей-Даун, что произошла в этих местах в августе 1643 года, когда роялисты разбили армию пуритан.

Не бились мы, чтоб этой язве
Не воспалиться? Вы ж сейчас
Швыряете в былое нас.
Мы ссоримся порой и матом
Ругаемся, но коррелятам
Таким, как верх и низ, должны
Мы быть, сограждане, верны.
Вы Троицу, как и Писанье,
Срамите травлей. К лету сани
Никто не ладит. Лили кровь
За то мы, чтобы зла морковь
Такая, как король, на грядке
Не выросла опять. Зачатки
Её семян досель живут.
И *беп-бейтинг* общий труд
Наш устраняет. Пуритане
Все против сатанинской брани,
Что собрала вас на плато.
Шла Реформация за то,
Чтоб Бог с религиею были
Очищены от вредной пыли.
Неужто ваш огромный сход
К чертям её прогресс пошлёт?
Её святыя наших сказок
Навроде свадебных подвязок
На шляпах все носили в миг,
Когда король как еретик
Арестовал шесть лордов⁸⁸. Люди
Тогда орали, правосудья
Взыскав, требуя убрать
Епископов. Притихла знать,
И виселицы возводили
Раз в месяц. Наш парламент в силе
Всё больше был. Желал реформ
Народ церковных. Новых норм
Лудильщики хотели, чтобы
Их чайники латать. От злобы
Ветеринары хрипли, но
Не чтобы холостить руно
Иль кошек, а чтоб перемены
Произошли скорей. Джентльмены
Ярились. Рыбница свой стенд
Закрыла устричный, на Стрэнд
Пришла и подняла там писк, чтоб
Скорей низложен был епископ.

---

⁸⁸ Карл I приказал арестовать шестерых лордов, членов парламента, за предательскую связь с шотландцами. Палата общин проголосовала против, и король лично пришёл в парламента со стражей, чтобы арестовать «изменников». Они знали, что это произойдёт, и сбежали. Таков первый случай открытого противостояния короля и парламента, приведший к гражданской войне.

Крыс изводители свои
Капканы бросили, бои
Ведя за то, чтоб все министры
Ушли в отставку быстро-быстро,
А мясники, сорвав с себя
Передники, шли в бой, рубя
Не туши, а доктрину. Кто-то
Дворцового переворота
Хотел заместо колбасы
Кровавой. Утерев носы,
Народ попёр в парламент, тыча
В глаза свой хлам. Своё величье
Все вспомнили вдруг, хлопоча
О чистой вере. Им моча
Ударила в мозги. Хотели
Без книг богослужбных щели
В религии они заткнуть.
И что теперь? Закончен путь,
Выходит? Всё напрасно было?
Чернь наша, значит, позабыла,
Как нужды армии своей
Поддерживала всем, верней
Последним? Как несла тарелки,
Горшки ночные и безделки
Любые для драгун? А для
Пехоты – риса бушеля,
И чтобы закупить мушкетов —
Всё до напёрстков и люнетов,
До ложек и булавок, чтоб
Их бросить в горн. Вещей потоп
Обрушился тогда, и зубы
Драконьи проросли. Вы губы
Свои поджали, а ведь он
Нас спас тогда. На миллион
Мы злата с серебром в горниле
Из ваших вкладов получили.
Пред этим золотым тельцом,
Словно евреи, нагишом
Поверглись ниц святыя ваши.
А вы хотите, чтоб панаша
Слетели разом с наших шляп
Потехой этой! Цап-царап
Здесь будет дьявольский; за псами
С медведем мчась, вы только сами
Все покалечитесь. Притом,
Они ведь нечисты. Сором
Какой! Коль здесь в помине нету

Екклесиастов⁸⁹, чтобы к свету
Вас привести, готов я стать
Витией. Божья благодать
Не сходит просто так. Приманки
Нет для неё ни в виде ланки,
Ни в виде женщины. Слонов
Индусы начинают лов,
Пред ямой выставив слониху.
Но Бог – не слон. Эй, стойте тихо!
На всё есть Провиденье, вас
Оно всех зрит и в травли час,
И после. Противостоянье
Оно врагам. Коль вы ристанье
Начнёте это, вас оно
Покинет, церковь – заодно.
Вы ведь молились все ретиво
Ему. От этого прилива
Петиций ваших нам дало
Оно сломить в сраженьях зло.
Святые в куцах ликовали,
Что вы тому сказали *vale*⁹⁰.
Из-за медведя и собак
Готовы вы попасть впросак
Навеки? Даже в ад, быть может.
Пусть совесть вас за это сгложет.
Парламент наш за вами шёл
Стезёю городов и сёл,
Брал лошадей у вас, скакали
Драгуны на врага в запале,
Им было нечего терять,
Кроме подсудности. Печать
На всём была последней схватки.
*Velis et remis*⁹¹ те лошадки
Стремилась в бой. И кто посмел
Вершителей великих дел
Теперь отвергнуть, что стояли
За вас? Я, граждане, в печали,
Что вы швыряете в дерьмо
Тем Провидение само.
Неужто мы, кто на Завете
Клялись, и впрямь паскудства эти
Допустим, не деря власы?
Неужто вам медведь и псы
Важнее ваших душ спасенья?
Воспрянут роялисты, звенья

---

⁸⁹ Екклесиаст у греков – оратор в народном собрании или проповедник в общине.

⁹⁰ Прощай (*лат.*).

⁹¹ Изю всех сил (*лат.*), буквально – «паруса и вёсла».

Все рухнут враз. *Videlicet*⁹²,
Загонит дьявол всех в клозет,
Чтоб там вам жить. Реформы наши
Все канут в мерзостной параше,
И станет церковь червяком
Ползучим, коль мы так ведём
Себя. Церковной дисциплины
Не будет больше, коль бесчинны
Вы так. Быть проклятым сперва,
Чтобы потом понять, что два
Плюс два четыре? Так хотите?
Вся Реформация на прыти
Стоит людской, и скоро сей
Задор дойдёт и до церквей
Всех заграничных⁹³. Вы ж позором
Покрыли нашу. Этим спорам
Размножиться недолго. Вы
Тех предали, кто головы
Своей в гоненьях не склонили,
И на Писанье утвердили
Великое *et cetera*⁹⁴.
Французы ждут, когда пора
Придёт напасть. Вы с ними, что ли,
Объединились? Этой роли
Народ вам не простит. Потех
Медвежьих кровь есть страшный грех.
Безумье ваше для Бедлама,
А не для укрепления храма.
Берусь я не позволить вам
Его порочить. Я не дам
Вам травлю здесь начать, и паки
Принять в междоусобной драке
Участье. Разойдитесь! Вас
Всех заклинает Гудибрас
Идти домой. Но я аресту
Подвергну скрипача, кто вместо
Того, чтоб веселить народ,
Его на тяжкий грех зовёт.
Друзей разлучник, он из скрипки
Лишь искры высекает. Липки
Его персты, на нотах тех
Застыв, что поощряют грех.
Его игра запретна. Актом
Таким он тщится, *dictum factum*⁹⁵,

---

⁹² То есть, а именно (*лат.*).

⁹³ Пуритане разослали письма семнадцати протестантским церквям с призывом объединиться, но те на них не ответили.

⁹⁴ И так далее (*лат.*). Речь идёт о клятве, которую давало пуританское духовенство: не давать согласия на присутствие в церкви архиепископов, епископов, архидьяконов *et cetera*.

⁹⁵ Указанный факт (*лат.*).

Поднять восстанье. Кара ждёт
Его. Свой завершайте сход!
Коль подобру вы поздорову
Не разойдётесь, я вам слово
Даю, что силу применю!»
Сказав сие, наш сэр коню
Что-то шепнул и меч свой славный
Достал, чтоб показать, кто главный
На поле и что силу слов
Мечом он подтвердить готов.

Талгол, молчавший долго, больше
Не мог таить свой пламень. Голь же
Притихла. Он, почти рыча,
Вступился так за скрипача:
«Ты кто такой? Ты глист обычный
В кишках свиней, хоть голос зычный
Имеешь. Хвостик, что крючком
Растёт на корпусе реформ.
Как ты посмел махать оружием
В собранье пред достойным мужем?
Твой конь костляв, с дыханья он
Совсем уж сбился за твой гон
Без мундштука и без поводеев.
Ты меч свой ветхий поднял против
Нас всех. Что, не боишься ты
Быть поколоченным? Круты
Характером простые люди.
Они все встретят словоблудье
Твоё дрекольем или крик
Такой поднимут, что твой лик
Осунется мгновенно. Звать их
Врагами церкви подло. В платьях
Они все чёрных, пуритан
Достойных. Не боишься, вран
Облезлый, что твой спич безумье
Усилит их? Ты ведь не в умме
Турецкой, где не ждать беды.
Святые суши и воды⁹⁶
За них. Чего ты прячешь рыло
Своё за меч? Народа сила
Тебя сметёт. Зачем, бахвал,
Ты к нам на кляче прискакал?
Чтоб помешать их спорту, в коем
Дурного ничего? Запоем
Они читают твой Завет,
А там про травлю слова нет.

---

⁹⁶ То есть святыя пресвитериан (пуритан) и анабаптистов.

Они не собрались, чтоб, целя
Друг в друга, обрезать кошели,
Чтоб хрюшек воровать, гусей
И прочий скот, а лишь для сей
Потехи, но тебя, коль надо,
Они легко повяжут, гада,
Верёвками и запихнут
В какой-нибудь гнилой закут.
Они не пили эля даже,
Кустов не портили в пейзаже,
Но чучело твоё вот-вот
Народ опилками набьёт
И выставит на обозренье,
Как дьявола, кто сеет пренья
И разногласья. Комитет
Не заседал⁹⁷, чтоб свесть на нет
Их удовольствия. Святоши
Ни слова не сказали тоже
Против потехи. Лучше уж
Ползи отсюда, скользкий уж!
Ты не иначе как лазутчик
Их, недруг кобелей и сучек.
Не провоцируй нас, не то
Каменья полетят в манто
Твоё. Нам, здешним, не до смеху.
Коль ты останешься, потеху
Сорвав, то я за жизнь твою,
Наглец, полпенни не даю».

На это рыцарь, вздевши очи
И руки, принял что есть мочи
Тройной удар в живот, и тот
Слова такие выдал в свод:

«Не для того зовусь я сэром,
Чтобы сдаваться маловерам,
Особенно тому, кто здрав
Лишь для того, чтоб портить крав⁹⁸.
Ты весь раздулся от гордыни,
Подобно тухлой оленине,
Наверно, чтоб считали твой
Смрад мерзкий пищей ходовой.
Будь магом ты, владей ты средством
Одаривать всех малолетством,
Сединам вопреки, и то

---

⁹⁷ Пуритане назначали своих представителей от лица парламента в народ, чтобы те заботились о его интересах, и чтобы наказывать провинившихся штрафом или тюрьмой. С ними ассоциировался термин «комитет».

⁹⁸ Коров.

Не сдался б я, пускай мне сто
Лет и не светит. Будь ты магом,
Естественною смертью, благом
Таким всех одаряя, ей
Гангрёну лучше у свиней
Лечить, поскольку я и глазом
Не поведу. Владей ты разом
Ножом, клещами, топором,
Не вздрогну я и во втором
Единоборстве слажу, чтобы
Тебя судили. Меч особый
Держу я, он прошёл со мной
Весь путь, навязанный войной.
Ты разразился не словами,
А пуком смрадным. Это знамя
Всех много жрущих. Ты в живот
Меня ударил, чтоб народ
Поаплодировал отваге
Твоей, но было в этом шаге
Презренье к рыцарству, каким
Горжусь я много лет и зим.
Свои слова, источник смрада,
Сожрёшь ты, как своё говядо.
Перчатку я бросаю. Мой
Кинжал и так уж рвётся в бой.
Ещё такого не бывало,
Чтоб сдался я чьему-то жалу,
Чьим-то словам, что горше, чем
Полынь. От бед стал Иов нем,
Но он взбодрился бы при виде
Моём. Изыди, бес! Я гниде
Не дам себя поработить!»

Сказав так, рыцарь во всю прыть
Достал свой терцероль и в череп
Талгола ствол направил. Вере б
У всех такой же крепкой быть,
Как тот. Паллада совершить
Ему не разрешила щёлка:
Между кремнём его и полкой
Пороховой она свой щит
Простёрла. Тем он знаменит,
Что обладал эгидой. Сразу
Заел курок. Талгол эмфазу
Продемонстрировал, в удар
Дубины весь природный дар
Вложив, но сэр наш пистолетом
Прикрылся, как щитом, и в этом
Он преуспел, хоть терцероль

Был мал играть такую роль:
Он вывалился из ладони.
Но Гудибрас не сдался: конь и
Ездок слились в одно, свой меч
Он выхватил, успев извлечь
Его в ту самую минуту,
Когда Талгол обрушил люто
Дубину на́ голову и
Потом на спину. В забытыи
Тут оказался б каждый, только
Не Гудибрас. Держался стойко
Он и парировал мечом
Удары все. Параличом
Скрутило б сэра, будь он позже
Чуть извлечён. Он хвост, как вожжи,
Схватил и задом наперёд
Сражался. В ступоре народ
Глядел на схватку двух героев.
Талгол, усилия удвоив,
Старался выбить меч. Наш сэр
Являл и мастерства пример
Владенья им, и силы. Стали
Тут оба выдыхаться. Стали
Не может даже дуб сломить.
Народ гадал, кого им бить
Из них, кого вязать, не знали
Они, кто прав в своём накале.
Тут Гудибрас решил, что сил
Осталось мало, и вложил
В один удар всю мощь, которой
Он обладал. Талгол матёрый
Был воин и успел нырнуть
Под меч, иначе стали жуть
Его бы рассекла (вот стали
Приоритет) по вертикали.

Тут Колон, наблюдая бой
Издалека, решил судьбой
Рискнуть, придя на помощь другу.
Но Ральфо знал: придётся туго
Тогда хозяину, и с ним
Схлестнулся. Сталь опять с блажным
Схватила дубом. Та – для крови,
А этот – синяков. Надбровья
Обоих сдвинулись. Удар
Один шёл за другим, как хмар,
Грозой беременных, сраженье.
Никто не ведал, чьё движенье
Другого свалит с ног. Но тут

Магнано, воин, но и плут,
Решил вмешаться, видя: дело
Не клеится. Он оголтело
Туда помчался, где росли
Чертополохи. Из земли
Один он вырвал, стебель этот
Был весь в шипах. Магнано метод
Был прост: стегнуть коня под зад
Чертополохом. Без преград
Он подобрался сзади к крупу
Кобылы Ральфо. Та лишь тупо
Стояла, вздрагивая чуть,
Когда рубил тот, целясь в грудь.
Ей от шипов чертополоха
Вдруг стало нестерпимо плохо:
Она заржала, на дыбы
Вдруг поднялась, и Раф, судьбы
Такой не ожидавший, мигом
Скатился из седла, интригам
Фортуны удивляясь. Бит
Он был к тому ж пинком копыт
Своей кобылы. Внемля звуку
Паденья, сэр нагнулся, руку
Подать чтоб Ральфо, но Талгол,
Который был ужасно зол
На всё, и увернувшись еле
От нового удара, в теле
Противника нашёл пяту
Ранимую. Схватив за ту,
Он поднял сэра Гудибраса
Легко над крупом, хотя масса
Его значительной была,
И шмякнуть уж хотел. Стекла
Подобье черепа иные,
Мозги он вышиб бы, но выю
Тут от подушки оторвал
Сам Марс и в этот интервал
Меж взмахом и шлепком об землю
Послал медведя. Мишка, внемля
Приказу бога, втёрся меж
Противников. Наш сэр медвежь-
Его посередине меха
Упал, как на тюфяк, доспеха,
Сказали б, даже не помяв.
Сервантес был, конечно, прав,
Когда на одеяле Санчо
Пружинил, милости не клянча⁹⁹.

---

⁹⁹ «Дон Кихот», том II, глава II.

Медведь гораздо больше был
Напуган этим, чей настил
Спас сэра нашего от смерти,
Чем Гудибрас. Он взвыл, поверьте,
Как сто людей, точнее рык
Его был страшен в этот миг.
С клыков своих ронял он пену,
Рыл землю, кувыркался, сцену
Являя паники, в какой
Он не был никогда, и вой
Поверг всех в ужас. Он паденье
Воспринял сэра как сведенье
К нулю всех правил боя. Век
Весь свой он знал, что человек
Есть друг, а недруги – собаки,
Кто никогда доселе в драке
Его не побеждали. Зверь
Растерян был. Допрежь потерь
Он шерсти не считал, коль висли
Все псы на нём. На коромысле
Болтаются так вёдра. Он
Ведь бился для людей, а звон
Оружья их погнал медведя
Прочь от столба. Аз, буки, веди
Его смешались, сэр когда
Свалился с неба, как гряда
Гор, тяжеленный. Так он яро
Крутился на цепи, что тара
Её ослабла, из ноздрей
Кольцо вдруг выдернулось. Ей
Не ограниченный в движеньях,
Он ринулся бежать. В броженьях
Толпы вдруг хаос начался,
Она аж задохнулась вся,
Когда помчался бедный мишка
В людскую гущу. Хоть умишко
Его и невелик, одних
Он сбил, кому-то дал под дых,
Но никого не покалечил.
Он сэра избегал, перечил
Тот всем его повадкам. В бег
Он бросился, раз человек
Предстал в таком ужасном свете,
И скрылся, обломав поветья.

Остался Краудеро лишь
На поле. Воцарилась тишь,
Все убрались. Бежать он тоже
Хотел, но подломилось ложе

У деревяшки, где культя
Покоилась. Он пал, пыхтя,
На землю, обмочившись даже
При этом. Он в ажиотаже
Всеобщем крах обрёл. Протез
Держал в руке он. Был он без
Ноги воинственным, как с нею.
Готов отпор он дать злодею
Протезом был своим, коль тот
На Краудеро нападёт.
Он мог бы встать на деревяшку
И прочь уйти, но сэр так тяжело
Его поранил душу, что
Решил он драться, как все сто
Бойцов и псов, хоть был медвежьей
Потехи он здесь главным вежей
И скрипку долго приучал
Звучать так, чтобы зверь урчал.

Но Ральфо, кто в паденье сильно
Ушибся, стороною тыльной
Ладоней от копыт лицо
Своё прикрыл, заподлицо
С землёй. Теперь он встал на ноги
И поле обозрел в тревоге,
Нет ли на нём бойцов. Узрел
Он Краудеро, кто был смел
Настолько, чтобы в одиночку
Оборонять себя и дочку
Свою, скрипицу. Впал он в гнев
И к сэру подбежал, кто, сев
На землю, синяки на теле
Подсчитывал и на пределе
Держался. Череп целым был,
Хоть враг его почти разбил.
Полз Краудеро и на темя
Протез нацелил. В это время
Раф подбежал, и весь удар
Пришёлся в руку Рафа. Жар
Не лижет так в печи поленья,
Как тот озлился. Всею жменью
Он врезал скрипачу, и тот
Протез свой выронил. Идёт
В сравненье лишь удар перчатки
Железной. Раф, почти в припадке
Безумья, навалился на
Вторую ногу и сполна
Готов был отомстить бедняге,
Но отошёл, как после браги

Похмелье ощутив, и так
Ему сказал: «Какой дурак
Попрётся против нас? Мы с сэром
Противовес всем ложным верам —
Таким, как музыка твоя.
Мутил народ ты, звук лия,
Не понимая ни в политик
Раскладе, ни в народе. Нытик
Ты, фиделер, протез сломав.
Но Гудибрас и верный Раф
Дубин в бою не пощадили.
Неужто думал ты, что или
Падём мы, иль отступим? Нет!
Ты будешь брошен в карцер, свет
Дневной забыв, или прикован
К столбу для порки. Арестован
Ты, Краудеро!» Так сказав,
Вернулся к Гудибрасу Раф
И поднял сэра с кочки. Бравый
Наш рыцарь был контужен, в правой
Руке сжимая меч. Стоял,
Шатаясь, он. Раф за нос взял
Хозяина и трижды ловко
Его подёргал. Обстановка
Чуть разрядилась: сэр вздохнул
Вдруг глубоко. Хоть был он снул,
Как рыба, всё он слышал внятно.
Возрадовался Ральфо, пятна
Счищая крови носовой
С дублета своего. С такой
Он к сэру обратился речью:
«Вы победили, сэр! Отмечу
Тот факт, что разбежались все
Иль смылись прочь на колесе,
За исключением Краудеро,
Из-за которого чуть вера
Не пострадала наша. Он
Лежит вон там. Велит закон
Карать бунты. Решайте сами,
Что делать с ним. К позорной яме
Приговорить его в земле
Или к болтанию в петле.
Мигните глазом, если трудно
Вам говорить, куда мне трутня
Тащить: на виселицу иль
В тюрьму. Сломал он свой костыль,
То бишь протез. Его скрипица
Не будет более резвиться,
Поскольку вам принадлежит

Отныне. Жалкий реквизит,
Но всё ж трофей. Как диссентёры
Считают, он котла из серы
Достоин, а земли клочок
Отобран должен быть¹⁰⁰. Смычок —
За скрипкой вслед. Святые право
Имеют только на забаву
С собаками и лошадьми,
Со шляхами и с нотой «ми»
Иль «фа»; все скрипачи на свете
Играть для них должны, все сети
Для них ловить, все яса¹⁰¹ им
Лишь подноситься. Коль храним
Кто Провиденьем, то имеет
Он всё. Мой левый бок немеет,
Но мысль я всё же доскажу.
Вы покоритель, и ежу
Понятно, что теперь все земли
В округе ваши, и не тем ли
Лорд должен озабочен быть,
Чтоб арендатор стал любить
Его превыше всех, поскольку
Даёт тому он счастья дольку?»

Услышав это, Гудибрас
Приободрился. Сил запас
К нему вернулся. Поле взором
Окинул он, бил на котором
Врага, и убедившись, что
Толпы нет больше на плато,
Остановил его на теле,
Лежащем навзничь. Мы уж зрели
Его: то Краудеро был.
Вскипел тут в сэре прежний пыл,
Решил он: должен расплатиться
За всё тот, что его десница
Не довела здесь до конца.
Но Ральфо, цвет узрев лица
Хозяина, промолвил здраво:
«Великий сэр! Сия расправа
Подходит больше палачу,
Чем рыцарю. Вам по плечу
Дела огромные, не надо
Себя вам пачкать кровью гада,
Ломать скрипицу тоже не

---

¹⁰⁰ Английские диссентеры (независимая группа внутри протестантов) считали, что если человек не праведник или святой, то он недостойн владеть землёй, поскольку на него не распространяется Божья милость. Диссентеры полагали, что государство слишком вмешивается в дела церкви и образовывали свои; многие перебрались в Новый Свет.

¹⁰¹ Яства.

Достойно рыцаря в броне,
То бишь в дублете. То, что в шалом
Бою свершили вы, на малом
Сём вам негоже повторять,
Теперь земля ему кровать.
Ужели меч вы свой, что шибко
Рубил, употребите, скрипку
Чтоб раздраконить вместе с тем,
Кто здесь лежит, безног и нем?
Я сам сражался, не балясы
Точил, во имя Гудибраса,
Поскольку полководцу щит
И меч врага принадлежит,
А не солдату. Краудеро
И так уж скрипача карьеру
Закончил, надо пощадить
Его. Не враг он вам, а снить
Ничтожная. Дрожит и так он
Пред вашей силой, не оплакан
Никем, а он ведь труп почти.
Негоже рыцарю идти
Природы против. Все на то мы
Из плоти, а не из соломы,
Чтобы щадить другую плоть,
Что вас не может побороть.
Он близок к смерти. Вам не стоит
Беднягу добивать, чтоб поед
Испытывать душевный. Пусть
Его прикончат стыд и грусть.
Ведь доблесть в чём? Лишь равных силой
Спознать с безвременной могилой.
Убить калеку вряд ли даст
Вам к прежней славе новый пласт.
Вас рыцарем назвали, ибо
Вы доблестью, сэр, без прогиба
Блистали, так ведь? Лучше в плен
Взять фиделера вам взамен
Его без выгод умерщвления.
Суд вынесет пускай решение,
Как поступить с ним. Если он
Придёт на суд, отягощён
Гордыней, то жизнь фиделера
Ждёт высшая, наверно, мера,
А если судьям борода
Вдруг не понравится, тогда
Он обречён определённю.
Найдётся и статья закона.
Хотя гарантий не могу
Я дать, что вашему врагу

Петлю пропишут. Может статья,
Что суд освободит паяца.
Поэтому, коль вправду вы
Его хотите головы,
Берите! Поступали часто
Так победители. Контраста
Вас с величайшими из них
Я не хочу, сэр. Гнева вспых
Имеет право на расправу.
Коль посудить об этом здраво,
Все обещания – ярмо,
Которое трещит само,
Словно верёвки на Самсоне.
Про милосердие в законе
Войны молчок. Оно лежит
На личной совести. Кто бит,
Тот либо умереть обязан,
Либо помилован. Не связан
Ваш враг, но обездвижен. Сэр,
Вам знать, чем кончит фиделер».

От Ральфо бархатного гласа
Остыло сердце Гудибраса,
Ниспала гневная рука.
Велев связать бунтовщика,
Он дал приказ протез на место
Тому поставить. Как подеста
Британский, сэр лишь клятву взял
Со скрипача держать запал
Свой при себе, не прибегая
К оружию для возврата края.

Был очень рад такому Раф.
Протез приладив и связав
Того, он дал конец верёвки
Хозяину, чтоб в упаковке
Такой вести в триумфе вдоль
Округи пленника. Юдоль,
Долина то есть, разбросала
Коней. Их Раф поймал у вала,
Её делившего. Взвалил
Он скрипку и футляр, что был
Ей домом, на плечо, как будто
Пернач. Поехали. Сэр бунта
Зачинщика вёл сзади. Шаг
Коня был мерен. Бывший враг
Напоминал, глаза топыря,
Чёлн заваливающий на буксире,
Что супротив течения плыл.

Так прибыли они, без сил
Все трое, в городишко. Вымер,
Казалось, тот. Вдали, как кливер,
Маячил замок¹⁰², а точней
Строенье не из кирпичей,
А сплошь из дерева. Лишь ступ нам
Тут не хватает. Непрístupным
Он сделан ведьмами был лет
Так сто назад. Других примет
В нём нет: ворот, к примеру, или
Бойниц с решётками. Бастильи
Он родственник при этом. В нём
Держали узников, причём
Низка была так крыша зданья,
Что встать под ней нельзя. Пейзане
И горожане, кто туда
Вдруг попадали, без труда
Могли лежать. Колдуньи кругом
Магическим, под стать яругам
Окрестным, обвели его.
Короче, это волшебство
Коснулось и столба позора,
Что во дворе был. Руки споро
К нему приковывали, чтоб
Всех провинившихся особ
Потом пороть. Был шпиль на крыше
И башенка. Наш рыцарь рыжий
Приказ дал Ральфо привязать
К нему скрипицу, чтоб видать
Трофей всем горожанам было.
Он это сделал. После в виллу
Сию, то есть в тюрьму, он ввёл
И скрипача. Скрипучий пол
Того привёл в испуг. Он ликом
Отшельника, на мёде диком
Живущего, напоминал.
Помиловать лишь трибунал
Его отныне мог. Не буду
Рассказывать, какому чуду
Свершиться должно было, чтоб
Он в заточенье не усоп.
Об этом в следующей песни.
Остались ведь друзья, чудесней
Иных волшебств. Что ж до суда,
Он ведь карает иногда
Совсем невинных, давши волю
Злым. Я закончить здесь изволю.

---

¹⁰² Далее следует пародия на типичный для того времени роман о заколдованном замке.

Песнь третья

Краткое содержание:

*Вернётся чернь и замок наш
Осадит. Сэр познает раж
И будет биться. Краудеро
Освободит толпа, а сэра
Посадит вместо скрипача,
Его смиренню уча.*

Вот это да! Порой железо
Холодное жжёт жутко безо
Всех хитростей нагрева. Наш
Герой влез в сущий ералаш.
Фортуна ведь, казалось, шибкой
Его поздравила улыбкой,
Но после подложила вдруг
Подлянку хуже адских мук.
Все знают ведь сию балладу:
«Что если день успеха – чадо
Мучений будущих?..»¹⁰³ Герой
Уверен был, что вражий строй
Рассеял весь, но не учёл он,
Что грозен люд и мести полон.
Он думал, что военный пыл
Ему «добро» церковей купил,
Что подвиги его парламент
В своих газетах всех обрामит
Печатной рюшей, – не учтя,
Что для Фортуны он дитя,
С которым надобно резвиться.
Он обнаружил вдруг, что лица
Враждебные стянулись вмиг
К узилищу, куда проник
Он полчаса тому в надежде
Мир сделать не таким, как прежде.

Чернь вправду разбежалась, чуть
Медведь с цепи сорвался. Жуть
Её объяла, но собаки
Надрать ему мечтали баки.
Так пуритане норовят
Диссэнтеров гнать, всякий рад
Попить их кровушки. Увидя
Медведя мчащимся в обиде
На человечество, они

---

¹⁰³ Вольный перевод смысла первых шести строк старинной английской баллады: «What if a day, or a month, or a year / Crown thy delights...»

Вслед погнались. Такой возни
Меж псов давно не наблюдалось.
Они хотели крови. Жалость
Не свойственна собакам. Враг
Их, мишка, ждал любых атак,
Но не таких совместных. Впрочем,
Он был готов чернорабочим,
Псам то бишь, выволочку дать.
Остановился он, дышать
Продолжив шумно, и ударом
Смёл первых псов, что шли по парам.
За то, что преградили путь
Они ему, хотел он пнуть
Ещё двоих, но коридора
Для бегства мишку эта свора
Лишила, и решил медведь
Уж лучше с честью умереть,
Чем сдаться. Поднялся на лапы
Он задние, свой рык и храпы
Смешав в одно, и поджидать
Атаки стал, но те, лишь стать
Его завидев, временили
С ней, лая громко. В сём эндшпиле
Лазейку он нашёл и сам
Метнулся вдруг навстречу псам.
Но может что один отважный
Поделать с сотней? Рык протяжный
Издав, он тотчас окружён
Был псами. Пёрся на рожон
Медведь, но что, я повторяю,
Один напротив целой стаи?
Обстали псы его, спина
Его была обнажена
Для тех, кто подбирались сзади.
Он вновь на лапы встал. В раскладе
Таком одно лишь средство есть
Не потерять в сраженье шерсть —
Это давить их ростом. Дюже
Огромным был медведь. Оружье
Его клыки и рост. Собак
Он этим напугал. Что враг
Такой величины, не знали
Они, когда гнались в начале.
Но ужас свой перемогли
И бросились. Медведь земли
Коснулся четырьмя и плюхи
Им раздавал. Звенело в ухе
У псов, но на спину его
Они повергли, торжество

Испытывая. Оставалась
До полной их победы малость.
И в положении таком
Зверь отбивался. Был он хром
Уже, и всем Уиддригтона
Напомнил бы во время оно¹⁰⁴,
Будь кто-то рядом из людей.

Он бы погиб, не подоспей
Тут Трулла с Цердоном. Камилле
Вергилия подобна, в силе
Она была летать быстрее
Парфянских стрел по знакам¹⁰⁵. Ей,
Видать, знакомы были мази
Колдуний, чтоб парить в экстазе.
Она узрела битву псов
С медведем издали и зов
На помощь зверя услышала.
Был Цердон рядом. В два дышала
Они помчались. Я не мог
Оставить зверя без подмог
На поле умирать, отсюда
И Трулла, и спасенья чудо.

Сказал так Цердон: «Я б отдал
И руку, чтоб от вышибал-
Собак спасти медведя. Надо
Спешить нам, а не то бригада
Их – косолапого сожрёт.
Бежим!» Они успели. Взвод
Собак, узрев оружие, коим
Махала Трулла, с диким воем
Пустился наутёк. Скуля,
Остались лишь два кобеля,
Но и они отстали скоро
От мишки: Трулла шестопёра
Пустила в ход металл; за хвост
Их Цердон оттащил. Был прост,
Как видите, разгона метод.
Медведь едва дышал. Хоть этот
Манёвр его и спас, он хил
От ран был. Хоть крещён Ахилл
Был в водах Стикса, он пятою
Нехристианскою средь боя

---

¹⁰⁴ Герой «Баллады о Чевийской охоте», сражавшийся, стоя на одном колене. Битва произошла в 1388 году на англо-шотландской границе. Британский лорд, охотясь, пересёк её с очень внушительной свитой, что шотландцы восприняли как нападение. Лишь 110 человек выжили.

¹⁰⁵ «Бранный был ведом ей труд и с ветрами бег вперегонки. / В поле летела она по верхушкам злаков высоких, / Не приминая ногой стеблей и ломких колосьев...» («Энеида», глава IV, ст. 807–809, пер. С. Ошерова).

Был слаб. И нехристь наш, медведь,
Хоть шерсть на нём густа, слабость
Заметно начал: псы отгрызли
Ему пол-уха. Был наш гризли
В крови. Так, ухо потеряв,
Эрцгерцог, хоть был в битве брав,
Стыдился этого до смерти¹⁰⁶.
Юристы так, кто слишком сети
Свои раскидывают, чтоб
Ловилась рыбка, часто – хоп! —
Лишаются ушей, как те, кто
Строчат лишь пасквили¹⁰⁷. Их секта
Безуха, как и мишка наш.
В нос зверю, пока тот типаж
Являл собой иссякшей силы,
Кольцо обратно прикрепила
С длиннющей цепью Трулла и
Его свела, всего в крови,
На травку под древесной сенью.
Поэты любят наслажденья
Описывать на ложе трав
С кустами роз. Медведь, устав
От битвы, *urbi* ждал *et orbi*¹⁰⁸
От струн, натянутых в теорбе¹⁰⁹,
Что там прислонена к кусту
Была. Он песен красоту
Любил, а до-ре-ми-фа-соли
В нём притупляли чувство боли.

Куда же Орсин, спросят нас,
Девался? Когда Марса глас
Позвал медведя, он далёко
Стоял. Медвежьего утёка
Не видел он сперва. Потом
За ним погнался, но гуртом
Толпы был сбит. Вскочив, медведя
Догнать не смог. Он клял свой медью
Обитый шестопёр и люд,
Что лишь на вид так смел и крут,
А на поверку трус. Разбилось
На части сердце. Когда Гилас

---

¹⁰⁶ Имеется в виду Альбрехт I Австрийский (1255–1308), впоследствии – король Германии (с 1298 года). Однажды после битвы он снял шлем, и ему в голову угодило копье, срезавшее ухо. Альбрехт был эрцгерцогом, когда Австрией правил его брат герцог Рудольф II (1270–1290); потом они правили ей вместе.

¹⁰⁷ До XIX века в Англии отрезали уши за лжесвидетельство (отсюда «юристы») и клевету (отсюда «пасквили»).

¹⁰⁸ *Urbi et orbi* (лат.) – «к городу [Риму] и миру».

¹⁰⁹ Музыкальный щипковый инструмент, похожий на лютню, но с дополнительными басовыми струнами; был очень популярен в XVII веке.

Исчез, так плакал Геркулес¹¹⁰.
Хотя медведь и не исчез
Совсем, был Орсин безутешен:
Рвал волосы, кричал, что грешен
Теперь навеки он. И стон
Его был эхом повторён
По всей округе многократно.
Поэты рифмы так творят, но
Бездарны в большинстве они.
Какую рифму ни вверни,
Она подобна будет эху.
По мишкиному плачась меху,
Он повторял: «Медведь, медведь...»
А эхо отвечало: «Ведь».
Он причитал: «Куда пропал ты?»
А эхо отвечало: «Балты».
Он говорил: «При чём здесь те,
Кто покори нас в темноте
Веков? При чём тут даны, эхо?»
И эхо отвечало: «Эко!»
Он продолжал: «Народ труслив»,
А эхо отвечало: «Слив».
Наш Орсин раздражался очень
На эхо, бегством озабочен
Медведя, и стонал: «Зачем
Умчался ты? Ведь твой ярем
Отнюдь не тяжек. Я твой верный
Товарищ, а не враг, кто скверной
Пропах геенской. Претерпел
Я за тебя десятки стрел
Дразнилок. Где ты, друг мой ситный?
Паду ничком я с челобитной
Творцу, чтоб Он тебя вернул.
Тебя людской доселе гул
Ни разу не пугал, братишка».
И эхо отвечало: «Ишь-ка!»
Короче, горе в нём в момент
Вскипело злостью. Инцидент,
Достойный плача, обернулся
Страшнейшим гневом. Ритмом пульса
Он изумил бы докторов.
Теперь он люду мстить готов
За недогляд был мишки. Также
Убить хотел он в диком раже
Того, кто на него упал.
В запале, а его запал

---

¹¹⁰ Красавец Гилас был ближайшим другом Геркулеса. Во время похода аргонавтов он ушёл за водой и исчез. По легенде, его похитили нимфы и превратили в эхо. Геракл остался на берегу искать Гиласа.

Велик был, он пустился снова
На поиски. Медведь – основа
Их, но на месте был втором
Наш Гудибрас. Его хорьком
Зарыть он в землю обещался.
Корабль его чуть сбился с галса,
Когда он рыцаря искал
В округе. Не сулил оскал
Его добра совсем. Но тут он
На группку налетел, маршрутом
Своим бредущую, чьих зол
Хлебнул наш Гудибрас. Талгол
Был в ней с Магнано, также Колон
И Цердон. Страшным гневом полон,
Так Орсин обратился к ним:

«Ношусь я вихрем грозовым,
А вы бредёте преспокойно.
Ищу я Гудибраса, война,
Который в битве посрамил
Дубины ваши. Где ваш пыл?
Он и его помощник Ральфо
Уйдут, коль мы не снимем скальпа
С них за позор. Свою башку
Сложу я, но их извлеку
Из-под земли. Медведь мой бурый
Рискнул в бою густою шкурой,
А вы дрожите за свои.
И жив ли он? Из всей семьи
Один я у него. Я папы
Не больше знаю, косолапый
Мой цел иль нет. Лишь Гудибрас
В том виноват. Всех метастаз
Он хуже. Будь он дьявол, скрыто
Орудующий, за копыто
Его я вырву из тех мест,
Где он сидит. Даю вам крест!»

Тут Цердон так ответил: «Бравый
Наш Орсин, все мы бранной славой
Гордимся, и пойдём с тобой,
Куда ты скажешь. Вперебой
Мы рвёмся в битву. Шелудивый
Пёс этот Гудибрас, с наживой
Ушедший с поля. Шкуру снять
С него хочу я, перемать!
А также с псевдо-голиафа
Его, оруженосца Рафа.
Медведь в порядке, бился он

Со псами, сильно повреждён
Мех у него, и нету уха.
Не бойся, Орсин. Всё, спокуха!
Он жив! Мы с Труллой отвели
Его в тот уголок земли,
Где всё английским дышит раем.
Он отдыхает, овеваем
Прохладным ветерком, она
Ему поёт. На грани сна
Он был, когда я их оставил.
Псы все дрались без прежних правил,
Чуть не задрал беднягу. Мы
Турнули их, исчадий тьмы».

Тут впятером все порешили
Объединиться, чтоб по силе
Не уступать врагу. Искать
Пошли тогда всех наших пять
Героев главного героя
Поэмы. Я пока в покое
Оставлю их. Как Гудибрас,
Важней мне во сто крат сейчас.
Покинули мы с вами сэра,
Когда в темницу Краудеро
Сажал он. Лавры ни одни
Не зеленели так. Кивни,
Читатель! Правда ведь, достоин
Их был наш пуританский воин?
Так, в мысленном венке, чуть-чуть
Решил наш рыцарь отдохнуть
И внутрь вошёл. Что ж, обозначим
Ещё раз: можно там лежачим
Лишь было находиться. Враз
Прилёг наш храбрый Гудибрас
И с помощью целебной мази,
Втираемой им в безобразье
Покрывших тело синяков
Оттенков разных и цветов,
Расслабился. Её герою
Дала смотря¹¹¹, что порою
Его лечила, если стал
В бою полученный фингал
В четверть лица совсем павлином.

Герою не спалось. Картинам
Сраженья шло наперекор
Лицо вдовы, кто с неких пор

---

¹¹¹ Нянька, старуха.

Была той раной, кою лону
Наносят стрелы Купидона.
Любовью он горел такой,
Что жар по телу тѣк рекой:
Стрела та аж до половины
Вошла пониже чуть грудины.
Отвергла гордая вдова
Ухаживанья и слова
Любви. Но страсти жар был жуток,
Переместившись весь в желудок,
То есть в живот, в который, зов
Унять чтоб, яйца муравьѣв
Он пичкал сотнями¹¹² и, кстати,
Едва не умер в результате.
Короче, мучился так он,
Что даже сам Пиг-ма-ли-он —
Диктую по слогам я – в камень
Влюбившись, знал навряд ли пламень,
Подобный этому. Была
Она брыкастее осла.
Должны вы были быть подонком,
Чтобы в её устройстве тонком
Задеть струну. Таким самцом
Наш не был сэр, и всё ж лицом
Её он бредил и всем прочим.
Кто был до той вдовы охочим,
Того она ко всем чертям
Мгновенно посылала. Хам
Надменный ей лишь был по вкусу.
Наш Гудибрас лишь Иисусу
Так поклонялся до неё.
Сидело в сердце остриё
Стрелы: чем больше презирала
Она его, тем глубже жало
Входило в сердце. Как солдат,
Бегущий с поля, лишь назад
Всё время смотрит, иль на вѣслах
Сидящий, иль в своих ремѣслах
Поднаторевший балансёр,
Так Гудибрас смотрел в упор
На брак, хоть в противоположном
Вдова шла направленье. Ножнам
Так не покорен меч, как он
Был ей позорно покорѣн.
Она его отшила сразу,
А он отвести не в силах глаза
Был от неё, забыв про честь.

---

¹¹² Считалось, что яйца муравьѣв – антидот от любви.

Я не хочу уж слишком лезть
В героя душу. Он, короче,
Решил посередине ночи
Оставить глупую мечту
И утвердиться на посту
Простого рыцаря удачи
В буквальном смысле слова. Паче
Всего он захотел прослыть
На мир весь, как и волчья сыть
Его, коняга. Как мы знаем
Уже, с Талголом-негодяем
Он справился. Но спать, увы,
Не мог. Опять лицо вдовы
Пред ним предстало, и надежда
В нём вспыхнула: что если между
Им и вдовой, когда она
Узнает, что его страна
Вся славит, разгорится пламя?
Мысль о прекрасной этой даме
Рот пересохший вдруг ему
Наполнила слюной. Во тьму
Он пялился, о ней мечтая.

«Опасней я, чем волчья стая, —
Он думал, – и необорим.
Слух до неё дойдёт, и им
Она, конечно, поразится.
Не сможет гордая вдовица
На сей раз устоять, как враг
Не смог. Но как мне сделать, как,
Чтобы она в меня влюбилась
Навеки, словно тёлка в силос?
Я добродетелен, что грех
В её глазах, но мой успех
Заставит даже добродетель
Стать плюсом. Мне Господь свидетель.
Умён я и безумно храбр.
Крючок дойдёт до самых жабр:
Два этих качества блесною
Её смутят, чтоб спать со мною.
Ведь доблесть – это лучший крюк
Для всех увесистых севрюг.
Не бойся, Гудибрас, собою
Быть, ибо ты сродни герою!
Ты *audax*¹¹³ более других,
Быть *timidus*¹¹⁴ постыдный штрих

---

¹¹³ Смелый (лат.).

¹¹⁴ Трусливый (лат.).

Характера. Своё удило
Забрось, а остальное милой
Фортуны дело. *Felix sum*¹¹⁵». Такие мысли шли на ум
Герою нашему, хоть блохи
Кусались дико. У эпохи
Всегда есть выразитель. Наш
Сэр стал им за стихов листаж.
Как филин ждёт, когда в амбаре
Наестсямышь, в ночной чтоб хмари
Её схватить, и пучит под
Двумя бровями, что вразлёт
Идут, глаза, что так же рыжи,
Как наш герой, покамест мыши
Хвостатый корпус не мелькнёт,
Тогда он на него с высот
Своих бросается, – так рыцарь,
Сей заколдованной дыры царь,
Не спал, а мысленно когтил
Вдовы сердечко. Тут, хоть гнил
Был пол, вскочил он, руша доски,
И закричал, чтоб Ральфо, носке
Их сёдел преданный, седлал
Коней обратно. Жуткий шквал
На замок надвигался: толпы
Отвсюду шли. Так дух из колбы
Алхимика в густом дыму
На свет является тому.
Наш рыцарь понимал: осадой
Хотят те замок взять. Тут надо
Переключиться нам на тех,
Кто шли, впав в многоногий спех.

Чернь вправду замок взять спешила,
Неся с собою вилы, пилы,
Но вдруг остановилась, чтоб
Решить, что лучше: рыть окоп
Осадный или лезть на стены.
Наш Гудибрас, не ждавший смены
Удачи быстро так, призвал
К оружию Ральфо. Тот ведь спал.
Фортуна, каверзная дама,
Его сразила в сердце прямо,
А, может, ангел из блажных
Дать вознамерился под дых,
Прогнав хранителя. Доселе
Не знал наш рыцарь дрожи в теле,

---

¹¹⁵ Я счастлив (*лат.*).

Но вид один сих толп был так
Ужасен, что он весь обмяк.
Они отнять хотели славу,
Принадлежащую по праву
Ему лишь. На серёдке грёз
Его их чёрт сюда принёс.
Так думал он. Меж тем он живо
Воображал и дефензиву.

Но выбор сделан был: врага
Пред замком встретить. Вот нога
Уже занесена, на спину
Коня он влез, была скотина
Ему покорна. Ральфо вслед
Вскочил на своего. Конь блед
Ему мерещился средь черни.
Час был уже вполне вечерний.
Сэр враз почувствовал: горьки
На теле ныли синяки,
И приуныл. Но вид народа
Скопившегося возле входа
В нём ярость тут же пробудил,
И так сказал он: «Чернь в распыл
Решила нас пустить. Так жниво
Стоит в снопах. Она труслива,
Мы раз уже её пугнуть
Сумели, Ральфо, и наш путь
Лежит к победе. Как Вергилий
Писал, *quosunque trahunt*¹¹⁶, или,
По-нашему, что б нам судьба
Ни уготовила, раба,
Добавлю от себя, тупого
Из нас не сделать. Толпы снова
Нахлынули, чтоб взять реванш.
За нами между тем карт-бланш:
Они всё те же, что бежали
От нас сегодня. В идеале
Они все сразу убегут,
А нет – дадим мы бой. Наш люд
Пуглив, как я сказал чуть раньше,
Не утвердиться им в реванше!
Мы лишь взмахнём мечами, как
Рванёт отсель бессчётный враг.
Они, как молнии из стали,
Не зря им всем в глаза блистали

---

¹¹⁶ Часть знаменитого высказывания «*quosunque trahunt fata sequamur*» – «куда бы судьба ни направляла нас, пойдём за ней»: «Сын богини, пусть рок, куда захочет, влечёт нас, – / Что б ни случилось, судьбу побеждают любую терпением» («Энеида», глава V, ст. 709–710, пер. С. Ошерова).

Сегодня днём. Не гнев, а страх
В их превалирует сердцах.
А если вдруг упрутся люди,
Свершим с тобой мы правосудье
И покараем их: от ран
Они, как будто кегельбан,
Полягут, а другие, это
Увидев, смоются, и смета
Их распадётся. Знай же, голь!»

Сказав сие, свой терцероль
Достал он. Был на месте порох
И пуля в нём, столь на которых
Рассчитывал наш сэр. Клинок
Потом он из ножон извлёк.
Велел скакать он Ральфо первым,
Как делают стратеги, к нервам
Стальным приученные, и
Пристроился чуть позади.
Потом вонзил в конягу шпору,
И конь помчался.

В эту пору
Враг не дремал, готовясь свой
Заход затеять штурмовой.
Когда они узрели наших
Героев вдруг, то страх в папашах
Семейств обширных вмиг взыграл.
Тут Орсин, кто возглавил шквал,
С земли приподнял каменюку
И в Ральфо, напрягая руку,
Швырнул её. Был камень тот
Не так велик, как скол пород,
Каким при Трое сшиб Энея
С ног Диомед, но мог он, вея
Погибелью, свалить с копыт
Коня, послав врага в Аид,
Где дважды кщёные святые
Находятся¹¹⁷. Пригнул Раф выю,
И камень мимо пролетел,
Но сдал коня назад он. Смел
Был Гудибрас, кто на подмогу
К нему подъехал. Он немного
Переживал за Ральфо. Вздёл
Он терцероль, но целить ствол
Не стал, поскольку Орсин слишком
Был далеко. Он ведь по книжкам

---

¹¹⁷ Анабаптисты считали, что второе крещение необходимо, чтобы стать святым.

Воспитан был и полагал,
Что меж врагами интервал
Обязан быть ничтожно малым.
Помчался он, чтоб интервалом
Таким смутить врага¹¹⁸. Со школ
Мы знаем (те, кто в них прочёл
Гомера), что единоборство
Всегда лицом к лицу. Фрондёрство
Здесь неуместно. Гудибрас
Хотел врага узреть *en face*¹¹⁹.
Но Колон тут, узрев, что к другу
Тот близко, тоже каменюку
С земли поднял, потяжелей
Той, предыдущей. С силой всей
Её метнул он в Гудибраса.
Фортуны мерзкая гримаса
Чуть не сработала: наш сэр
В седле качнулся, как шпалер
Рисунок, когда ветер силен.
Но в нём достало всё ж извилин
За гриву ухватить коня,
Но меч он выронил. Браня
Себя за нерадивость, гуся
Напоминал он, что бабуся
Его колола к Рождеству:
Тянул тот лапы. Силы у
Героя нашего хватило
Курок нажать, и угодила
Шальная пуля в сход зевак.
Там был Талгол, его армяк
Она пробила, небольшую
Дыру оставив в том ошую,
И вылетела вновь, попав
В Магнано. Тот был очень брав
В своём старинном хауберке¹²⁰,
На нём сидящем, как по мерке.
О грудь расплющилась свинца
Частичка, но он спал с лица
И заорал: «Хирурга! Быстро!»
Толпу зажёт он, словно искра
Стог сена, закричал народ:
«Убийство, братцы!» Ну а тот
Упал на землю от удара.
Казалось, Гудибрас дал жару

---

¹¹⁸ Оливер Кромвель запрещал своим солдатам стрелять издали; им предписывалось подпускать противника на максимально близкое расстояние, чтобы стрелять наверняка.

¹¹⁹ В лицо, перед собой (*фр.*).

¹²⁰ Кольчуга с капюшоном и рукавами, обычно длиной до коленей.

Повторно. Если б Ральфо тут
Помог, то в несколько минут
Всё б рассосалось. Но наш альфа
С омегой занят был. На Ральфо
Почти свалился Гудибрас
От камня брошенного. Спас
Его он, подхватив в паденье
В миг после выстрела. Тут к сцене
Внезапно Цердон подбежал
И с Ральфо в бой вступил. Не знал
Никто, чем сватка завершится.
Обоих были мрачны лица,
Удары сыпались, как град.
Но услышав, что пал собрат
Его, метнулся Цердон в гущу
Толпы – ей паника присуща —
И мигом растворился в ней.
Герои наши от камней
Хотя изрядно пострадали,
Но были бодры, как в начале.

Сказал тут Ральфо: «Сэр, удар
Предательским был. Колон яр,
Но не посмел сойтись в дуэли.
Враги ослабли. Вы сумели
Их обездвижить. Пуля в грудь
Пришлась Магнано и чуть-чуть
Его не кончила. Вороны
Так слабнут, порох чуж. Звоны
Мечей у них над головой
Произвели эффект. Но свой
Злодейский замысел противник
Не бросил. Меньше, чем крапивник,
Их мужество, но нас числом
Берут они. Нам нужно слом
Врага усугубить, иначе
Он грянет скопом и даст сдачи».

Так Ральфо произнёс, но сэр
Был в мыслях далеко. Нукер¹²¹
Его старался зря. Огромен
Синяк был на груди и омен
Являл зловещий. Гудибрас
Тут отвечал: «Мой сквайр, на нас
Напали люди, кто без правил
Сражаются. Синяк оставил
На теле камень столь большой,

---

¹²¹ Вооружённый слуга, дружинник на службе у знатного человека.

Что я вот-вот прощусь с душой.
Мне не до боя. Мне Фортуна
За что-то мстит. За то ль, что юно
Я слишком выгляжу, точней
Сражаюсь, как в расцвете дней.
Боль нестерпима. Я весь стыну.
Нельзя сражаться паладину
С такою раной. Может быть,
Нам стоит в замок отступить
С почётом. Рана не смертельна,
Но нужен мне режим постельный.
Тебе не сладить одному
С такой толпой, а посему
Отход нам надлежит. В отходе
*Honoris causa*¹²², по моде
Великих, нет стыда. К концу
Учёбы всех нас на плацу
Ретироваться так учили,
Чтоб враг почувствовал бессилье
Вас уничтожить и ушёл.
Пора идти: *occasum sol*¹²³».

Послушав сэра, с кобылицы
Раф прыгнул и пошёл возиться
В пыли, пока не отыскал
Меч рыцаря, и, как шандал,
Держа его, не отдал сэру,
Презрев вдали толпу-мегеру.
Потом вновь на кобылу он
Хотел вскочить, но трижды вон
Был из седла он выбит ею,
Поскольку задом был пышнее,
Чем, собственно, седло. Тут Раф,
Всю выдержку в кулак собрав,
Предпринял новую попытку.
Но Орсин, справившийся прытко
С царапиной Талгола и
С грудиною Магнано при
Посредстве зелья из мешочка,
Всё бросил и бегом, как квочка,
Полулетя, помчался враз
Ко сквайру. У того Пегас
Брыкался, не даваясь. Рядом
Уже с ним, Орсин слов каскадом
Обдал его: «Ты, сквайр, и я
Не ранены. Сталь остря

---

¹²² Ради чести (*лат.*).

¹²³ Солнце садится (*лат.*).

Я отражу своей дубиной
И проучу тебя. Руиной
Ты станешь, как хозяин твой.
Я так зову тебя на бой».

Произнеся всё это, словно
Орёл, что прядает на овна,
Обрушился на Ральфо он,
Пытавшегося на амвон
Седла хоть как-то взгромоздиться.
Одной ногой он был, как птица
Фламинго или цапля, на
Земле, другая внесена
Была наверх, минуя стремя.
Удар поверг его на время
В тяжёлый ступор. Орсин тут
Ударил вдругорядь. Салют
Он вышиб из очей кобылы:
Удар пришёлся выше брылы
Её, кобыла начала
Брыкаться вновь и понесла
По полю Ральфо, кто был полу-
Лежач на ней. К мужскому полу
Пылая ненавистью, та
Его, не видя ни черта,
На землю скинула. Так было
И с третьим Ричардом: кобыла
Его повергла тоже в грязь,
А сразу после унеслась¹²⁴.
Наш рыцарь между тем нащупал
Синяк: тот вздулся, словно купол,
И мокр был. Он сперва решил,
Что это кровь. Как вязкий ил,
Была она, но, ярость волчью
Вдруг ощутив, он понял: жёлчью
Дублет весь пропитался¹²⁵. Зря,
Как Ральфо пострадал, а пря
Вновь разгоралась, он из луки
Достал второй пистоль и суке
Орсину этому хотел
Стрелять уж в голову. Тот цел
Остался потому лишь, что тут
Явился Цердон, весь свой опыт
Вложив в удар дубины. Тот
Пришёлся сэру в руку. Взлёт
Её был неудачным. Где-то

---

¹²⁴ Король Ричард III (1452–1485) погиб в битве при Босворте, оставшись, по Шекспиру, без лошади.

¹²⁵ Согласно теории гуморов (четырёх основных жидкостей организма), разлитие жёлтой жёлчи свойственно холерикам.

Так с неба падает комета,
Как опустилась вдруг рука,
На спуске находясь курка.
Пистоль на землю грянул. Выстрел
Пришёлся в высь. Идя на вы, стрел
Других сэр не имел. Лишь меч
Остался, чтоб врага засечь.
Но Цердон был готов к удару
Вторичному. Тут сэр наш пару
Своих обрушил на него,
На череп прямо. Колдовство
Иль что-то родственное душу
Спасли того. Наш сэр, обруша
Свой меч, смотрел, как кровь текла
По голове бойца, кто зла
Ему хотел. Отсёк он ухо
Тому, но Орсин на макуху
Посыпал порошок свой, и
Закрылась рана. В забытыи
Был Цердон, но очнулся. Чувства
К нему вернулись от искусства
Врачебного. Тут Орсин взял
С земли дреколье, как штурвал,
Двумя руками, прибамбу
Сию направив Гудибрасу
В живот, но об его дублет
Она сломалось. Он был сед
Частично от боёв, но чтобы
Двум сразу, бешеным от злобы,
Противостать – такого он
Не знал доселе. Цердон стон
Издав, но к Орсину, хоть сбился
С дыханья, присоединился.
Тут Орсин подобрал с земли
Ещё дреколье, слово «пли»
Крича, и, целясь в Гудибрасу,
Заехал Цердону в мордасы
Им. Цердон тут же рухнул, как
Подкошенный на поле злак.
Наш сэр приободрился сразу
И в стремени привстал. Без глаза
Остался Цердон. Сэр вскричал:
«Победа! Я таких кончал,
Как вы, во множестве. Второго
Прикончу я, даю вам слово!
Но прежде отдышусь». Скорбел
Над другом Орсин. Был он бел
От причинённого увечья,
Но врачевать пытался речью

И порошком. Сэр Гудибрас
Всё поле обозрел и пасс¹²⁶
Коня привёл в аллюр, чтоб, битым
Быв трижды, Орсина копытом
Сшибить, а после затоптать.
Был Орсин занят другом, рать
Свою оставив. Не заметил
Он, что наш сэр летел, как петел.
Узрев его, успел он свой
Насыпать тальк на синевой
Покрывшийся лик друга. Споро
Вскочил он на ноги, напора
От сэра ожидая. Тот,
Узрев, что дело оборот
Нежданный принимает, вяло
Сдержал за гриву буцефала.
Решил найти он Ральфо, чтоб
Вдвоём сражаться, и галоп
Направил в поле. Раф тем часом
Лежал, как тук. Он Гудибрасом,
Так думал он, совсем забыт.
Всё тело ныло – от ланит
До пят. Паденье в странной позе
Заставило почить бы в бозе
Кого другого. Когда сэр
К нему подъехал, Ральфо сер
Лицом был и сказал: «Великий
Вы воин! Надо б в базилике
Вам памятник поставить, но
Нам лики зреть запрещено».
Ответил сэр: «Мы победили.
Враг, драпая, наелся пыли,
А кто-то в ней простёрся. Сам
Великий Цезарь, хоть там-сям
Одерживал победы, дважды
За день один победной жажды
Не утолял. Нигде о том
Упоминаний нет. Щитом
С мечом разил он многих в блище,
Но дважды *veni, vidi, vici*¹²⁷
Подряд не произнёс». «Вы, сэр,
Его уделали. В карьер
Пустили вы коня, чтоб Рафа
Спасти. Уже звенела арфа
Небесная в его ушах.
Спасибо, сударь! Вы и шах,

---

¹²⁶ Ход лошади, при котором она переступает одновременно переднюю и заднюю ногами с одной и той же стороны.

¹²⁷ Пришёл, увидел, победил (*лат.*).

И мат врагу. Да, *vincerere*¹²⁸
Врага непросто. Дело в вере,
Скорей всего». Ответил так
Наш сэр: «Был множествен наш враг,
Но верой слаб. Затем *perire*¹²⁹
Он умудрился. Но задире
Не всякому нашлась здесь смерть.
Враг может заново посметь
Напасть на нас. Вставай! Нам надо
Быть начеку». Тут Ральфо, смлада
Привыкший подчиняться, рёк:

«Я не могу. Я как мешок
Костей. За вас я, сэр, страдаю.
Я меч принёс вам, чтобы стаю
Врагов окоротить. Взамен
Я синяки стяжал. Мой член
Любой бесстыдно синь. Но если
Дадите руку вы, то в чресле
Воскреснет жизнь. А если нет,
Останусь тут я, смогут вред
Мне причинить те, кто остались
На поле». Оценив анализ
Такой событий, сэр сказал:

«Мой меч от крови вражьей ал,
Но чтоб *servare civem*¹³⁰, спину
Нагну я. Хоть Отцу и Сыну
И Святу Духу ты чуть-чуть
Другому веришь¹³¹, я согнуть
Тебя в дугу не дам». Он руку
Ему подал и сгрёб на луку
Седла, точнее поперёк
Него втащил. Но рок есть рок,
Тут Трулла на него напала,
Как говорится, с тыла. Мало
Сэр Труллой озабочен был.
Скорей, её девчачий пыл
Был мил ему. Но та Магнано
Искала, услышав, что рана
Его опасна. Увидав,
Что Гудибрас в седле, а Раф
Лежит, словно тюфяк, на холке,
Она, начхав на люда толки

---

¹²⁸ Побеждать (*лат.*).

¹²⁹ Погибнуть (*лат.*).

¹³⁰ Спасти гражданина (*лат.*).

¹³¹ Из чего следует, что Ральфо был диссентером. Его собратья откололись от пуритан, когда те возглавили правительство.

Про мощь их, исхитрилась свой
Удар обрушить роковой.
Обычно после схватки дюжей
Она у пленных их оружие
Брала, не лезя в битву с тех
Аж пор, как мир коснулся стрех.
Но тут не выдержала. Сзади
Удар её был, в спину. Ради
Него она вся напряглась,
И сэр с коняги рухнул в грязь.

«Сдавайся, – Трулла тут вскричала, —
Не то умрёшь ты! Для начала
Отдай свой меч и пистолет,
Коль прочего оружия нет.
Я гарантирую, что руки
Не стану связывать. Коль муки
Захочешь претерпеть ты, в бег
Ударься, и тебя, кто пег,
Схвачу я вновь. Ты слишком грузен,
Чтобы бежать. Мы отмутузим
Тебя, как следует, поймав».
Сэр лёжа отвечал: «Твой нрав
Мне по душе. Бери оружие,
Но не мутузь меня. Мне хуже,
Чем нынче, не было давно:
Всё тело отбивной равно.
Мне пособи подняться. Меч я
Свой отдаю, другим увечья
Он доставлял во многих прях.
Не верю я в трёх жутких прях,
Что нити жизни ткут и режут.
Но, поборов зубовный скрежет,
Скажу: удар твой был мощней
Мужских, но силы он моей
Не отменяет, ты ведь только
Девушка хрупкая. Буколька
Вон как вспотела. Я сломил
Здесь трёх отважных воротил,
И перначом своим исхода
Ты битвы не изменишь, взвода
Хоть стоишь целого. Совет
Хочу я дать: победы, нет,
Моей ты не отменишь, двое
Здесь нас. Решение простое —
Тебе уйти. Лицом к лицу
Коль мы сойдёмся, будет у
Тебя проблем довольно. Сзади
Бить трусость. При другом раскладе

Тебя бы я не пощадил,
Хоть женщин отродясь не бил».

Вскричала Трулла: «Ты комичен,
Пора тебе добавить затычин!»
И свой похлопала пернач,
Чтоб показать, что нрав горяч
У ней, и что способна сэра
Она отделать. «Офицера
Не одного я в плен взяла.
Ты думаешь, я из стекла,
А я из стали. В поединке
Лицом к лицу я все кровинки
Из тела вышибу, и ты
Падёшь, как прочие скоты!»

Сэр встал. Тут Трулла булавою
Своей, вертя над головою
Её, как пёрышко, врага
Три раза приложила. «А! —
Вскричал наш сэр, два сделав шага
Назад, – Сражаться? Молодчага!
Тебя придётся мне осечь!»
Сказала Трулла: «Брось свой меч!
Не то ты будешь кверху задом
Лежать через минуту!» Градом
Ударов ей ответил сэр,
От злости чёрный, как бербер.
Любой из них мог нашу Труллу
Располовинить, но нырнула
Валькирия три раза под
Удары сэра. «Меч сечёт
Твой воздух!» – Трулла прокричала
И стала ждать, пока запалу
Его придёт конец. Герой
Наш поднял меч над головой
Двумя руками и всю силу
Вложил в удар. Так выходило,
Что он решал весь бой. Но та
Вновь уклонилась. Сэр и рта
Открыть не смог, как сила взмаха
И пустота пред ним, без страха
Рубившего, его почти
Повергли ниц. Его спасти
Сумело равновесье, но лишь
На миг. «Ты мне теперь позволишь
Ударить?» – спросила тут
Валькирия, всего на фут
Отпрянув, и ударом новым

Его повергла наземь. Словом,
Наш сэр упал, откуда встал.
Используя как пьедестал
Его живот, стояла Трулла
На теле сэра и ввернула
Такое: «Мерзкий клоп! Испил
Ты крови нашей. Не твой тыл
Атаковала я, а перед.
В то, что ты слаб, народ поверит,
Когда предстанешь ты пред ним,
Чтоб суд принять, что мы творим.
Ты не дал мне своё оружие,
Хоть обещал. Нет чести в муже,
Кто нарушает слово. Тот,
Кто своё слово предаёт,
Не рыцарь. Ты меня заставил
Сражаться, не соблюдши правил
В плен сдачи. Ты татаркой счёл
Меня, наверно, кто в подзол¹³²
Готова лечь, но в плен другого
Не брать. Но если надо, снова
Тебя отделаю я так,
Что выскочит из лба твой зрак».

«День твой, – сказал наш сэр покорно, —
Ты обмолола славы зёрна
Моей, сбив с ног меня, а лавр
Венчает мой полукадавр,
Каким я стал. Тебе по праву
Принадлежит он, как и слава.
Что же до слова чести, я
Её лишился, как змея
Лишается узорной кожи.
Шпынять упавшего негоже.
А, впрочем, ниже пасть нельзя,
Чем пал я. Поросла стезя
Моя быльём, и твой понятен
Сарказм при виде стольких вмятин
В моих доспехах, а точнее
В дублете дыр от перначей.
Античные герои были
Все милосердны, а не крыли
Поверженного в прах врага.
Их сталь иль медь была нага,
То бишь остра, а не словечки.
Мой терцероль дал две осечки
Сегодня и промазал, но

---

¹³² Иначе – белозём. Вид почвы, характерный для северных хвойных лесов.

Судьбой так было суждено».

Сказала Трулла: «Ты достоин
То получить, ничтожный воин,
На что хотел меня обречь,
Возьми ты верх. Пистоль и меч
Мои, как и твоя свобода.
Но делать из тебя уroda
Не собираюсь я: ни рук
Не буду я рубить, ни тук
Твой выпускать. Живи, паскуда,
И уповай на Божье чудо».

Ответил Гудибрас: «Прошло
То время, когда мне везло.
Я подчиняюсь всем законам
Войны, сиречь тебе. Пленённым
Не довелось мне раньше быть.
Учти, что я ведь мог убить
Медведя иль взять в плен, однако
Я не какой-то кожемяка,
Я отпустил его на все
Четыре стороны, в росе
Купаться, нападать на ульи,
Охотничьей чураясь пули».

Сказала Трулла: «Мог медведь
Тебя задрать, но вся комедь
Осталась в прошлом. Краудеро
Однако ты пленил. Карьеру
Его бы ждали муки иль
Петля, предстань он вдруг, бобыль,
Перед твоим судом. В темницу
Его ты бросил, чтоб возиться
Не надо было. Глад и хлад
Его там ждут, а ты и рад,
Гадёныш. Ну так вот: замену
Произведём мы – будет пленный
Скрипач отпущен, а в тюрьму
Ты сядешь, кто вредил ему».

Иссяк их диалог на этом.
Сэр меч свой вместе с пистолетом
Сложил к её ногам, на нём
Стоявшим. Свой дублет потом
Он лёжа снял и сдался. Трулла
Взяла их все, причём нагнула
Свой ладный корпус, с живота
Героя спрыгнув, как с шеста

Сигают куры. Тут накидку
Она сняла с себя и прятко
Набросила на сэра. «Вот, —
Она сказала, – новых мод
Начало». Правда! В мире моды
Французы правят, и погоды
Не делает тот факт, что мы
Владели Францией¹³³. Умы,
Известные мне, панталоны
И бриджи носят; дамы, стоны
Издав восторга, парики,
Стоячие воротники
И каблуки, ещё корсажи.
Накидка Труллы, точно в саже
Кого-то вывалить, была
Так унизительно смела.

Меж тем сбежались в место это
Все прочие апологеты
Отважной Труллы, мастерством
Её гордясь. Сперва дубьём
Они избить хотели сэра,
Но Трулла, не страшась размера
Толпы, тут встала за спиной
Его (опять!) и меч стальной
Трофейный извлекла из ножен,
Сказав, что ей, де, невозможен
Разлад ей данных слов и дел,
И если б кто-то вдруг посмел
Напасть, его бы зарубила
Она. Не для того пленила
Де, рыцаря она, чтоб тот
Толпой был пущен в оборот,
А для того, чтоб Краудеро
Был ею выменян на сэра.

Толпа узрела, что настрой
Серьёзен Труллы. Наш герой
Во власть её был отдан, силу
Раз уж его та сокрушила,
Чтоб Краудеро обменять
На сэра. Кто-то смог поймать
Кобылу Ральфо в чистом поле.
Вдвоём, решили, им в неволе
Отныне пребывать. Верхом
Их усадили, но лицом
К хвостам животных, а не к гривам,

---

¹³³ В XII–XV веках значительная часть Франции контролировалась Англией.

Что сделало народ счастливым.
Вёл Орсин под уздцы, что он
Приладил к морде, сыпкок
Узды не знавшей, лошадь сэра.
Талгол же лошадь, из карьера
Вновь перешедшую на шаг,
Бедняги Ральфо. Цердон, зрак
Свой потерявший, шёл чуть сзади.
С ним Колон и Магнано, пряди
От пота слиплись их, ведь бой
Им стоил сил. Всех за собой
Вела здесь Трулла, кто шагала
В колонне первой. Так помалу
Они до замка добрались,
Что шпилем устремлялся ввысь
И был, как знаем, заколдован.
Скрипач был в подполе, оков он
Не испытал – верёвки снял
С него наш Раф, закрыв подвал.
Толпа маршировала сзади
Процессии, как на параде
Лорд-мэра, что частенько прей
Собак с медведем годовой
Заканчивался. Тут все встали.
Как в замок им войти? Не знали
Они, как круг преодолеть
Магический. Очерчен ведь
Он ведьмами был. Но Магнано,
Кто в чёрной магии был рано
Натаскан, с детства то есть, взял
Свой шестопёр и им овал
Проделал в колдовском заборе.
С коней спустили пленных. Вскоре
Толпа уже внутри была,
В дыру пролезши. Из котла,
Подвала то есть, фиделера
Достали, Ральфо же и сэра
В него спихнули, люк над ним
Закрыв. На шпиле всем был зрим
Футляр со скрипкой. Сняли с крыши
Они и скрипку. Всюду мыши
Сновали. Было решено,
Что сэр и сквайр, пока темно,
Побудут в подполе. На этом
Все разошлись. Наш сэр поэтом
Хоть не был, но чужих стихов
Знал уйму на латыни. Кров
Был низок. Вспоминал, короче,
Он, горбясь, их в течение ночи.

И так сказал: «Хоть мы теперь
И узники, ум – это дверь
Всегда открытая. Понурясь
Сидим мы, Раф, но *sui juris*¹³⁴
Мы остаёмся. Можно нас
Распять, но сквайр и Гудибрас
Свободными умрут, поскольку
Свободен ум. Нам даже койку
Не дали – лишь мышиный пух.
Был Александр когда-то вслух
Отчитан Диогеном. Целый
Он мир имел, а тот для тела
Лишь бочку. Но не плакал, не
Печалился совсем, зане
Две разных доблести на свете,
Раф, существуют, *duo seti*¹³⁵:
Одна активная, в бою
Ей блещут. Но я говорю
О доблести пассивной, коя
Нужна при пораженьях. Стоя
Немало воспитала тех,
Кто ей прославились. Успех
Нам изменил сегодня. Можно
Теперь нас понукать безбожно
Иль, как предпочитает люд
Твердить, дубиной бить. Статут
Наш не изменится, и чести
Ущерба в том не будет. Бестий
Я разных навидался, кто
Хотели к чести долото
Своё приставить. Честь – аренда
Пожизненная, Раф, невредно
Порой и пропустить клочок
Земли, паша. Коль изнемог
Кто в битве, чести то нимало
Не навредит. Честь не кружало¹³⁶,
Где бочки пива иль вина
Пустеют. Люди смотрят на
Затменье солнца без боязни
Ослепнуть. Доблесть так вот, блазня
Народ, пассивная когда,
Берёт подкопом города».

Ответил Ральфо: «Мне неведом

---

¹³⁴ В собственном праве (*лат.*).

¹³⁵ Два комплекта (*лат.*).

¹³⁶ Питейный дом.

Такой расклад. Привык к победам
Я за́ день, мы сидим во тьме,
Свободны, разве что, в уме.
Вития наш церковный часто
Цитировал Екклесиаста
И говорил, что в бедах есть
Прозрение. Но разве честь,
Сэр Гудибрас, не пострадала,
Когда на вас та девка встала?
Вы разогнали чернь и псов
С медведем. Подвиг ваш не плёв,
Но то, что нас пленила девка,
Приять как будто в сердце древко.
Возможно, есть за этим план,
Как принято у пуритан».

Сказал тут Гудибрас: «Ты злиться
На мир изволишь, как зегзица¹³⁷,
Что накликает смерть. Синод¹³⁸
Назвал ты прежде сбродом. Сброд
Был бы медведем изувечен,
А наш синод и благ, и вечен.
Он против травли, как и всяк
Христианин, кто тоже благ
Быть должен. Внутреннего света
Дождись, и ты поймёшь всё это».

Ответил Ральфо: «Мне понять
Такое трудно. Есть печать
На всём лукавого. Зависло
В нас здравого начало смысла.
Но коль хотите, мысль свою
Я тут немного разовью.

Велик в народе нашем рейтинг
Медвежьей травли. *Беп-бейтинг*
Синоду равен иль синод
Ему, не знаю. Только тот
Плодит старейшин, депутатов,
Церковных старост, кто развратов
Не пресекают, и сам чёрт
Крепит сей вавилонский спорт.
Синода спикер и медвежий
Натасчик – те ж ухватки, те же
Слова, по сути. Нет, слова
Другие, суть одна. Сперва

---

¹³⁷ Кукушка.

¹³⁸ Имеется в виду пуританский синод из представителей местных церквей, против которого выступает диссентер Ральфо.

Увещевают нас, но локти
Всё ж в ход идут, потом и когти.
Синод и травля меж собой
Язык находят. Люд любой
Стравить так же легко, как свору
Науськать. Люди раньше к спору
Склонялись, а теперь, как псы,
Грызутся или рвут власы.
Медведя тренер занят зверем,
Давая сахар. Мы же верим
Синоду, что нас кормит всех
Посулами. Он душу – грех
Тягчайший! – прилучает нашу
И совесть. Я всё в чёрный крашу,
Поскольку наш видал пророк
Медведя тоже¹³⁹. Он жесток
И силен. Впрочем, как и люди.
Что их законы, правосудье,
Их отлученья, ордена
И прочее, как ни длина
Цепочки той, что держит тыщи
На расстоянье от кострища?
Синод надсмотрщиков своих,
Как псов, поставил грызть нас. Штрих
Ещё такой: синод премного
Всего позапрещал от Бога
Святого имени, лишив
Народ на радость перспектив.
И потому лишь травля эта
Ему, как малышу конфета.
Смотрите сами, что синод
Наделал: церкви укорот
Свершил, евангельские главы
Поставив выше Божьей славы.
Убийствами, насильем он
Того добился, что и трон
В руках его стал лишь игрушкой,
А вся страна – его кормушкой.
Людей он, против воли их,
Решил всех превратить в святых.
В торговле были люди исты,
Но те теперь монополисты.
Лишь пуритан Господь на путь
Наставил, так что ль? Обмануть
Людей легко: им, чтущим Бога,
Одна предложена дорога.

---

¹³⁹ Даниил 7:5: «И вот ещё зверь, второй, похожий на медведя, стоял с одной стороны, и три клыка во рту у него, между зубами его; ему сказано так: „встань, ешь мяса много!“»

Короче, ваш синод ничем
Не отличается от схем
Той инквизиции, что тыщи
Тел превратила в пепелище,
Так эмиссаров расплодив
Своих, что недовольства взрыв
Не за горами. Он ведь судит
По лицам с бородами, будет
Тот или этот человек
Блаженным в Боге¹⁴⁰. Пуст сусек
Народа нынче, и в итоге
Его церковные налоги
Добьют. Вернёмся чуть назад:
Коль лик кого-то красноват,
То это значит: он опасен
Для общества. Что хуже басен
Про то, что глиняный горшок,
Чтобы понять, какой он срок
Прослужит, де, по звуку можно
Определить. Синода ложно
Ученье. С некоторых пор
Мы носим головной убор
С подкладкой белой, хоть он чёрен¹⁴¹.
Свет Божий, сэр, отнюдь не флорин
Серебряный¹⁴², а белизна
Души, хоть от грехов черна
Она бывает. Покаянье
Её всю белит. Пуритане
Господню милость меж собой
Распределили, и подбой
Диссентеров им не по вкусу.
Лишь им одним, ещё зулусу,
Чёрнь хороша, воротнички
У них все белые таки¹⁴³.
Они лоснятся от гордыни,
Что всё правительство отныне
Лишь их, а править – значит быть
Отмеченными Богом. Прыть
Зашкаливает их в контроле
Души и тела. Мол, пороли
Вас мало всех, дабы снискать
В юдоли Божью благодать.
Они нацелены богатство

---

¹⁴⁰ Пуританские суды очень часто занимались физиогномикой: если человек не нравился им внешне, он мог быть осуждён без вины.

¹⁴¹ Такие головные уборы носили диссентеры.

¹⁴² Серебряная монета в Англии, равная двум шиллингам.

¹⁴³ Пуритане ходили в чёрных одеждах с белыми отложными воротниками.

Стяжать лишь, наплевав на братство
Церквей, а если беден люд,
Налоги на спину кладут.

Их жертвы все лишь мясниками
Творимы – не, как встарь, жрецами.
Их лозунг резать, даже в дни
Спокойствия, а не резни.
И не животных, а обычных
Людей, привычно горемычных.
Коль раньше этой жертвой был
Бык, то теперь ребёнок. Сил
Всех требует кровавый Молох.
Надежда вся на новый всполох.
От папской власти эта власть
Не отличается. Всё в пасть
Её идёт, село любое
Теперь добыча для разбоя.
Грабёж идёт ещё какой:
Коль денег нет, плати свиньёй;
Пресвитер каждый, как и дьякон,
Прокорм народа ставит на кон.
Епископов лишь двадцать шесть
Насчитывалось прежде. Есть
Теперь пресвитеров аж сорок
Тыщ в Англии, и каждый морок
Усугубляет. Хуторок
Теперь любой их трон. Урок
Мы отмели дискредитаций
Пап, как Григорий, Бонифаций¹⁴⁴,
И движемся к тому же. Зверь
О многих головах теперь
Вся церковь наша, с ним слюбиться
Лишь вавилонская блудница
Смогла, как это Иоанн
Обрисовал¹⁴⁵. Пример нам дан
Того, что будет. Меч во чреве
Прияли Симеон и Левий¹⁴⁶.

Мирян¹⁴⁷ старшой, мизинец чей
Тяжеле будет перначей,

---

¹⁴⁴ Григорий VII (1020/1025–1085) стал папой в 1073 году, католический святой; умер в изгнании. Бонифаций VIII (ок. 1235–1303) стал папой в 1294 году; по слухам, покончил с собой. Последний папа, стремившийся поставить власть церкви выше светской. После него начался период «авиньонского пленения пап», находившихся под контролем Франции.

¹⁴⁵ В «Откровении Иоанна Богослова» ангел ведёт его в пустыню, где тот «увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами» (Откр. 17:3).

¹⁴⁶ Быт. 7:5: «Симеон и Левий братья, орудия жестокости мечи их».

¹⁴⁷ Миряне – последователи христианства, активные члены церкви, но не принадлежащие ни к клирикам, ни к монашествующим.

Голосовал, чтоб принц прелатом
Стал, облечён епископатам
Не воцерковленный чтоб был¹⁴⁸.
Это вполне мятежный пыл
Мирян производить в священство.
Льна с шерстью смесь¹⁴⁹, а где смиренство?
То и другое, ордена
И те, и эти. Суть одна
Причём – амфибии. То овны,
То волки все они. Греховны
Что и святые даже, их
Глава провозглашает. Свих
Всё абсолютный это. Дряни
Всё ж нахваталась и миряне,
Творящие сии дела.
Чин клириков толпа дала,
Руководясь лишь чувством или
Прикосновеньем. Полонили
Так, сэр, и нашу плоть глисты,
Поскольку руки нечисты.
Мы скоро, словно кардиналы
Их папам, вылижем аналы
Церковной власти у себя».

«Постой, постой! – сказал, грубя,
Тут Гудибрас. – *Festina late*¹⁵⁰,
А ты спешишь, как будто латы
Снимаешь на бегу. Ты, Раф,
В своих всех выводах неправ.
Майевтика¹⁵¹ ведь на вопросах
Стоит как путеводный посох,
А ты довольствуешься тем,
Что весь во власти энтимем¹⁵².
Попробуем взглянуть, как надо,
На то, что ты сказал. Тирада
Твоя насчёт синода и
Медвежьей травли ни в одни
Ворота, Раф, не лезет. Этот
Подход способен только метод
Диалектический разбить.
Что хуже, наш синод иль прыть
Медвежья? Вот вопрос, которым
Задаться стоит. Так лишь шорам

---

¹⁴⁸ Принц был прелатом Льежа, а не воцерковленные епископы существовали в Германии.

¹⁴⁹ В Третьей книге Моисея (книга Левит) запрещается мешать в одной одежде шерсть со льном.

¹⁵⁰ Спеши медленно (*лат.*).

¹⁵¹ Метод Сократа («повивальное искусство»), предполагавший, что собеседник сам находит истину в результате последовательных вопросов.

¹⁵² Энтимема – аргумент, недостающие части которого подразумеваются очевидными.

Мы скажем «нет». Итак, вопрос,
Что хуже, а не лучше? Взнос
В копилку логики нам вчуже
Взглянуть велит. Что *оба хуже*,
Ответ мой. То есть и медведь,
И наш синод, уразуметь
Ты это должен, оба *idem*¹⁵³,
В сравненье с идеалом. Видим
Мы также, что коль так, то ни
Один не лучше. Болтовни
Твоей, что оба плохи, разум
Не принимает мой. Я разом
Берусь всё опровергнуть. Так
Могу я утверждать: червяк
Мне идентичен, оба ибо
Мы *animalia*¹⁵⁴ и к сгибу
С разгибом склонны. Только он
Не мыслит, как, к примеру, слон
Иль я. Так что на что похоже?
Тогда сказать возможно то же
Про моего коня: Сократ,
Де, как и он, одно. Что сад
Медвежьей травли схож с синодом
Такая ж глупость. Мишка мёдом
Питается, вот схожесть вся.
Он рукополагать, неся
С собою миссию, не вправе,
А также отлучать, Варавве¹⁵⁵
Давать свободу и т. д.
Софистика твоя в узде,
Как видишь. Вся твоя свобода
В сопоставлении синода
С медведем сведена на нет.

Кто лучше из двоих? Ответ
На это твой, импровизатор,
Что мишка лучше, мной *negatur*¹⁵⁶.
Медведь ведь хищник, ну а член
Синода – Божий манекен
На двух ногах. Медведи ж, хапы
Творя двумя, четырёхлапы.
Что правда: зубы есть у всех.
Но докажи, что клирик мех
Иль хвост имеет, иль что рожа

---

¹⁵³ Одинаковы (*лат.*).

¹⁵⁴ Животные (*лат.*).

¹⁵⁵ Преступник, освобождённый перед Пасхой Понтием Пилатом вместо Иисуса.

¹⁵⁶ Отрицается (*лат.*).

Медведя на его похожа.
Рождается медведь без форм,
Куском мохнатым. Языком
Медведицы прилизан только,
Он обретает вид и стойку¹⁵⁷.
Что клирика вид от слюны
Чужой зависит, болтуны
Способны лишь ввернуть. Все дни и
Года он ждёт хиротонии¹⁵⁸.

Но самый твой большой просчёт
Считать пресвитеров и мёд
Дающих тренеров медведей
Похожими. Я в этом бреде
Ни доли правды не нашёл.
Химеру¹⁵⁹ ты родил, чей пол
Неясен, состоявший в членах
Ну полностью гетерогенных,
*In eodem subjecto*¹⁶⁰ хоть:
Кусать, бодать и жалить плоть.
Все аргументы остальные
Гипотетичны, как на вые
Льва, скажем, козья голова,
Иль вроде этого. Едва
Могу я спорить. Помню как-то
Я с рантером¹⁶¹ на тему акта
Супрематии¹⁶² спорил, он
Был так всем этим разозлён,
Что проломил башку мне, выдрав
Клок бороды. Лягушкам, выдрам
Живётся хорошо в воде,
А нам, крещёным ей, в труде
Приходится горбатить спину.
Спор тоже труд. Коль всё едино
Тебе, тогда я промолчу».

Ответил Ральфо: «Вы мочу
Произвели на свет из знаний.
Три языка, как цвет фазаний,

---

¹⁵⁷ Ср. у Овидия в «Метаморфозах» (кн. 15, ст. 379–381): «... родясь, он первые дни еле-еле/ Жив, он лишь мяса кусок – но мать его лижет и членам/ Форму даёт, и малыш получает медвежью наружность» (пер. С. Шервинского).

¹⁵⁸ Рукоположение в сан, право проповедовать, совершать таинства и обряды.

¹⁵⁹ Древнегреческое чудовище, порождение Тифона и Ехидны, с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом в виде змеи.

¹⁶⁰ На ту же самую тему (лат.).

¹⁶¹ Рантеры – религиозная секта в Англии периода гражданской войны; знамениты своим буйством, не признавали никаких доктрин и откровений. Большинство её членов были простолюдинами.

¹⁶² «Акт о супрематии» – два законодательных документа, изданных в 1534-м и 1559 годах, закрепившие разрыв англиканской церкви с католической, а также давшие монарху верховные полномочия в первой из них.

Смешались в них. Вы остальных
За дурней держите. Мой вспых
Оправдан светом, что даётся
Иным из Божьего колодца
Как драгоценное питьё.
Саул Давиду дал копье
И свой дублет¹⁶³. Тот был нелепым,
Наверно, в нём. Так свет, что скрепам
Ничьим никак не подчинён,
От знаний лишних меркнет. Тон
Учёный полон наставлений,
Он ум мрачит, стесняя гений.
Ошибочен он в спорах. Тот,
Кто поучает, сам речёт
Белиберду. Лишь в свете Божьем
Есть правда. В спорах мы лишь множим
Неправду. Мысли все просты
Должны быть. В споре красоты
Нет никакой, хоть кучерява
Вся ваша речь. Имею право
На мнение я своё. Хоть нет
В нём логики, но есть в нём свет.
Да, говорю я хоть без правил,
Но Бог меня зато наставил,
А правда правилам претит,
Как глазу нашему петит».

Ответил Гудибрас: «Дружище,
Ты мне подкидываешь пищу
Для новых споров. Только нам,
А каждый здесь в сужденьях прям,
Они не к месту. Только что ты
Сказал такое, что красоты
Твои былые все к нулю
Свело. Я ведь тебя не злю:
Те вещи, что ты рёк когда-то,
С такими *mere disparata*¹⁶⁴.
Пресвитеры, которым свет
Известен тоже, с малых лет
Вкушали знанье, что в гордыне
Своей презрел ты громко ныне.
Но это в следующий раз,
Когда в нас будет сил запас
Чуть больше, и не в сём подвале.
Закончим. Мы с тобой устали.
Пора нам малость отдохнуть,

---

¹⁶³ 1 Цар. 17:38: «И одел Саул Давида в свои одежды, и возложил на голову его медный шлем, и надел на него броню».

¹⁶⁴ Просто несопоставимы (*лат.*).

Чтоб завтра встать на новый путь».

Часть вторая

Песнь первая

Краткое содержание:

*Герой наш, угодив в тюрягу
Почти случайно, всю отвагу
Вложил теперь в любовь, и та
Ему открыла все врата.
Здесь будет про визит той леди,
О коей грезил он. К победе
Придёт всё: из дыры, волибой
Хранимой, выйдет рыцарь мой.
Пришла пора внести в поэму
Романтику. Читатель, все мы
Устали от мечей, дубин,
Ран, синяков. Способны в сплин
Вогнать они. Смысл песни этой
В любви, премного раз воспетой.
Вздохни, читатель, ну а я
Путь проложу в её края.*

Не странно ль, что мужские грёзы
Всегда одни, хотя угрозы
Прямые грезящему есть
Вокруг? Писатели, кто в честь
Любви слагают гимны, часто
Изображают дам без наста
Грехов, а рыцарей, кто их
Хотят добиться, вихревых
Подобьем натисков. Порою
Утрачивают ум герои
От ревности. Как слух речёт,
Кровь ведьм обороняет от
Их пакостей. И часто дамы
Теряют кровь в течение драмы
Любовной, чтоб охолонул
Их рыцарь. Рыцарь же, в разгул
Впадая страсти, пластырь с раны
Срывает¹⁶⁵. Христарадник драный
Так милостыни просит, как
Флиртует тот. Он взять в кулак
Аж целую страну способен
За миг, хоть до неё колдобин

---

¹⁶⁵ Во времена рыцарства дам учили элементарной хирургии, чтобы те могли оказать первую помощь.

Должна быть уйма, коль судить
По картам. Нежной страсти прыть
Выказывает к той он, кто не
Жила в ту пору¹⁶⁶. Оболони¹⁶⁷
Под стать поэты: мысли все
Идут за рифмой. В полосе
Такой неясно, что важнее,
Мысль или рифма. Я за нею,
Ей Богу, не гонюсь, но всё ж
Чуть меньше с ней в коленках дрожь.

Наш рыцарь – помните? – лишь блага
Желая, угодил в тюрягу
Со сквайром вместе. Синяков
Вкусили оба. Не таков
Наш сэр, чтоб унывать. Но ныне
Устал от споров он, латыни
Своей включительно, плюс всей
Медвежьей травли. Одиссей
Не напрягал так ум, как пленный
Наш Гудибрас, чтоб из презренной
Дыры освободиться. Пал
Он ниже некуда. Оскал
Фортуны был так явен сэру,
Что та должна была и меру
Знать, поворотом колеса
Вновь взмыв его под небеса.

Есть дама, кою кличут Славой,
Она была бы величавой,
Когда б не в воздухе жила,
Хамелеоны словно¹⁶⁸, зла
Двуногим не желая. Ела
Она свои слова, а тело
Крылато, но, как рукава,
Крыла с него свисают два.
На них глаза и уши, кроме
Того, и языки. В плероме,
Как мистики нам говорят,
Подобных нет других. Наряд
Весь крылья, правды так разноской,
Но чаще лжи, она по плоской
Поверхности земли свой век
Весь занята, а человек

---

¹⁶⁶ Этим грешили и Вергилий, и Шекспир. Дидона, если существовали, то в другое время, чем Эней. У Шекспира герои переносятся из Франции в Англию за четверть часа.

¹⁶⁷ Брёвна, очищенные от коры, но ещё не отёсанные.

¹⁶⁸ Считалось, что хамелеоны живут в воздухе, где они питаются насекомыми.

Их потребляет, издавая
«Меркурий» свой¹⁶⁹. С ней вместе стая
Почтовых голубей. Висит
На шее сумка для обид
И восхвалений в виде писем.
Нрав Славы, в общем, независим,
Но подчинятся порой
Вестям сомнительным, что рой
Пчёл поселился в теле зверя,
К примеру, что мертвец, ощеря
Зубёшки, из гробницы встал,
Что град величиной в овал
Яиц на поле выпал, или
Что сука разродилась, мили
Пройдя, вернуться чтоб в семью,
Щенками с лапами восьмью,
Что видели по крайней мере
Семь человек, как в атмосфере
Зажглась вдруг новая звезда.
У Славы две трубы всегда,
Но с разными тонами. Звуки
Одной как нервные мяуки,
Другой как громы. В них дудит
Она поочередно. Стыд
Одна дурной, недоброй славы,
Другая – громкой. Люди правы,
Боясь её, но, как уже
Сказал я, злость в её душе
Отсутствует.

Что Гудибраса
В тюрьму упрятали, и часа,
Пожалуй, не прошло, как весть
Распространилась. Только лезть
Вдова привыкла слышать ране,
А тут такое. Смех в гортани
Её забулькал. Демокрит
Так не смеялся¹⁷⁰, как на вид
Приличная вдова, нимало
Не покраснев, захохотала.
Она обычно весела
На всех похоронах была,
Так что простим ей слабость эту.
Смеялась долго, пока где-то
В спине не щёлкнуло. Прострел
Болезнен был, и смех сомлел.

---

¹⁶⁹ Почти каждая партия в Англии издавала свою газету под названием «Меркурий».

¹⁷⁰ Демокрита Абдерского (ок. 460 до н. э. – ок. 370 до н. э.) называли «смеющимся философом».

Решила тут вдова, что сэра
Увидеть нужно ей. Афера
Такая показалась ей
Полезной в смысле новостей
Из первых рук, чтоб после сплетни
Вещать другим в прохладе летней.
Его освободить из тьмы
Подвала замка, из тюрьмы
Она без всяких там решила
За выкуп, или как громила-
Толпа захочет. Вмиг она
Переделась и, красна,
Как утро, прихватив служанку,
Отправилась в тюрьму к подранку-
Герою нашему. Нашла
Она его мгновенно. Мгла
Была в подвале. Он у стенки
Сидел на корточках, коленки
Согнув, упав в них головой
С руками на затылке. Вой
Она бы подняла, но рыцарь
Спал. Ральфо рядом был. Мне рытсья
В деталях ни к чему. Как круг
Магический, велик испуг
К которому среди народа,
Прошла она, не знаю. Входа
В тот замок не было, могло
Помочь здесь только помело
Иль та дыра в стене, что рьяно
Пробил дубиною Магнано.

Не сразу сэр наш в темноте
Признал вдову. В своей мечте
Ясней её он видел: стёкла
Мечты прозрачны. Но как свёкла
Весь покраснел, признавши. Стыд,
Что та его пленённым зрит,
Залил лицо. Башкой об стену
Ударился он, чуть Елену
Прекрасную увидел. Вы
Представить можете: совы
Он был подобьем, пуча очи,
Не отличая дня от ночи.
Его мозги поплыли, чуть
Уста смогла та разомкнуть.

Вдова сказала: «Место это,
Шепнули мне, запретно. Вето
Каких-то ведьм на нём лежит.

Здесь духи тех, кто как бандит
И тать прославились, по слухам,
Витают. Этим страшным духам
Привольно здесь. Я вижу двух
Перед собой. Который дух
Из них, а кто из плоти, трудно
Определить во тьме. Так судно
Плывёт в ночи и все на нём
Как приведенья. Даже днём
Черно здесь. Дьявол бьёт набатом
В свой барабан тут. В мрачноватом
Я месте нахожусь. Звезда
На этом фоне – борода,
С которой я была знакома.
Досталось ей, видать, вне дома
Прилично: выдран целый клочок.
Её хозяин раньше мог
Легко гонять врагов по полю.
Я, может, духа зреть изволю?»
Когда услышал Гудибрас,
Что дама хвалит из прикрас
Его любимую, он сразу
Приободрился весь и фразу
Таковую выдал: «Госпожа,
Да, борода хоть несвежа,
Она моя, а я из плоти,
Хоть духом вы меня зовёте».
«Не может быть! – произнесла
Вдова. – Вы раньше ремесла
Воителя не посрамляли.
Узнала вас я по детали
Одной. Но что вас привело
Сюда, какое сверглось зло
На вашу голову?» Ответил
Так Гудибрас: «Ваш образ светел
В глазах моих, тьме вопреки.
Я пал на землю от руки
Валькирии, но прежде дважды
Я победил, что может каждый
Из черни местной подтвердить».
«Я верю вам. То, что вы жить
Остались, главная удача.
В чужой победе, видно, кляча
Виновна ваша. Кто в бою
Был изувечен, на свою
Имеет бороду любую
Права. Я с вами не флиртую,
Она растрёпана, но мне
Приятней гривы на коне.

Будь стриженной она по-русски
Иль напомаженной, утруске
Подвергшись конскою ездой,
Гордиться б рыжей бородой
Вам не пришлось. Она похожа
На знамя порванное. В дожи
В Венеции произвели б
Вас с нею, сэ. Как ваш ушиб?
Верней, ушибы? Мысль об оных
Мне доставляет боль, калёных
Щипцов достойную, а столб
Позора во дворе, что толп
Любимец, вызывает муку».
Ответил сэ: «Мне больно руку
Поднять – грудная клетка как
Один раздувшийся синяк.
Боль, древним стойкам согласно,
Хоть часто и изводит нас, но
Ни хороша и ни плоха,
Как почва, а на ней соха.
Земле, возможно, больно тоже
От вспашки, как сдиранья кожи,
Но разве это не субъект
Плодов? Бессмертный интеллект,
Избавленный от всех ошибок
Людских, в сравненье с нашим, гибок,
Мы боль воображаем, он
От боли крепко защищён,
А также от любых увечий.
А, значит, разум человеческий
Не может быть уверен в том,
Что боль реальна. Нам гуртом
Довлеет мнимость, сдвиг по фазе,
Тогда как боль – полёт фантазий.
Одни от них прияли смерть,
Другие перестали сметь
Воображать, и чувство боли
Прошло. Я вспомнить здесь позволю
Себе такой пример: был дюк
В Саксонии, кто так свой тук
На теле нарастил, что мышки
Прогрызли плоть его в подмышке
И ей питались по ночам,
А, может, то был задний срам.
Короче, днём он их не видел,
А ночью спал. *Id est*¹⁷¹ свой выдел
Не надзирал он жировой

---

¹⁷¹ То есть (лат.).

И жил без боли. Если б свой
Он зад узреть мог, то от рези
Ужасной взвыл бы. Не в железе
И не в дубинах боль, а в нас».

Вдова сказала: «Гудибрас,
Вы правы: кто так толст, иммунным
Быть должен к боли. Но как струнам
Душевному боль свою бороть?
Коль честь задета, в нас не плоть
Болит, а сатанеют разум
С душой». Ответил сэр: «Безглазым,
Как видели мы, не страшна
Любая боль. А честь, она
Такая штука, что ей шрамы
На пользу лишь. Нет в ранах срама.
На войнах бьют покрепче, чем
Народ дрекольем. От экзем
Страдаем мы, от пуль, от палиц.
Порой вывихивают палец
Иль руку всю вам булавы.
Дуэли часты, коль уж вы
Про честь упомянули, не на
Мечах, а кулаках. Колена
Простреливают тоже. Тот,
Кто выжил, храбрецом сльвёт,
Верней, тот, кто приял раненье.
А в Риме при освобожденье
Раба ему положен был
Удар рукой иль палкой¹⁷². Вил
Удар ничто. Царь Пирр силёнку
Имел ударом селезёнку
Лечить¹⁷³. А негус¹⁷⁴, если кто
Из эфиопов был на сто
Процентов виноват в измене,
Его прощал и тем не мене
Сначала избивал в кисель.
Вставал тот на ноги, модель
Покорства, и царя поклоном
Благодарил, что был прощённым,
Хоть рёбер пару у него

---

¹⁷² Раба в древнем Риме освобождал либо претор ударом специальной палки, которая называлась *vindicta*, либо бывший хозяин, ударом *alapa* – открытой ладонью – по лицу или голове.

¹⁷³ «Верили, что Пирр может доставить облегчение страдающим болезнью селезёнки, стоит ему только принести в жертву белого петуха и его правой лапкой несколько раз легонько надавить на живот лежащего навзничь больного... Говорят ещё, что большой палец одной его ноги обладал сверхъестественными свойствами, так что, когда после его кончины всё тело сгорело на погребальном костре, этот палец был найден целым и невредимым» (Плутарх «Жизнеописание Пирра», III, *пер. С. Ошерова*).

¹⁷⁴ Титул эфиопских царей. Дальнейшее почерпнуто Батлером из «Путешествий» француза Леблана.

И были сломаны. Всего
Я не припомню, как удары
Во благо шли. Тот, кто кошмары
В том видит, что обрёл фингал,
Тени бежит, как Буцефал¹⁷⁵.
Да, я побит, но я смиренно
Сношу побои. Как из плена
Мне вызволиться – вот, что ум
Гнетёт. Быть может, выкуп, сумм
Которого не знаю, черни
Придётся по душе, а терний
Я не страшусь. Мрак и тюрьма
Свели не одного с ума.
Бьют пушки поверху, коль ниже
Свои мы опускаем бриджи:
Намерен я удар судьбы
В дар превратить. Но вот кабы
На волю выйти, это б стало
Мне приближеньем к идеалу».
Вдова сказал так: «Вы, сэра,
Преодолели тот барьер,
Что служит большинству преградой.
Жалела вас я, но не надо
Жалеть такого смельчака.
Любить его мой долг, пока
Не станет он наглеть. Что слава
И стыд? – Восток и Запад. Браво
Вы сделали из них одно.
Раджа индийский так в окно
На казнь глядит, хотя громила
Его поклонник главный. Было
Неясно раньше мне про боль
И честь. Но коль битьё вам ноль,
Что скажете вы, сэра, про порку?
Вы помните ведь поговорку,
Что леди надо соль на хвост
Насыпать, чтоб поймать¹⁷⁶. Внахлест
Удары не страшны вам. Соль же
Из глаз ещё способна больше
Меня влюбить в вас, Гудибрас».
Признание услышав, потряс
Сэра мысленно руками, ими
Пригладив бороду. С такими
Словами был он незнаком.
Сглотнув возникший в горле ком,

---

¹⁷⁵ Будущий знаменитый конь Александра Македонского боялся своей тени, из-за чего его не могли приручить, но Александр заметил это и повёл его так, чтобы тень не ложилась впереди.

¹⁷⁶ Перифраз английской поговорки, что птицу можно поймать, если насыпать ей на хвост соли.

Сэр произнёс: «Я поколочен
Был люто, но смотрю с обочин
На это всё. Мне вражий кнут —
Пустяк. Лишь страсть моя – маршрут,
Которым я идти намерен.
Я жеребец ещё – не мерин,
Мой лавр чуть подувял, но вы
Его сорвёте с головы,
Коль я не одержу победу
Над вами и в свой рай не въеду».

Вдова сказала: «Упыри
Лишь мерзкие всё на пари
Бездумно ставят. Не хотела
Я вас подначить. Мне омела
И поцелуйчики под ней
Прямого шутовства смешней.
Я не могу тому отдаться,
Кто страстью пышет. Он паяца
Напоминает. Так что вас
Я побеждаю, Гудибрас».

Ответил сэр: «Пускай доселе
Отпор давали вы постели
Совместной, это лишь каприз.
Я вас до положенья риз
Однажды доведу. Вы страсти
Своей не верите. Нет, здрасьте
Скажите ей, что, вроде ламп
У древних римлян, даже вамп
Таким, как вы, в гробах светили¹⁷⁷.
Любовь игра вам, так ведь? Или
Неправ я? Воздух вряд ли в грудь
Возможно сразу и вдохнуть
И выдохнуть. Нельзя любовью
Шутить. Иль так вы в участь вдовью
Свою влюбились, что вам брак
Подобен смерти? Из вояк
Нет никого, кто встать со мною
Способен рядом, бороною
Своей клянусь. Исподтишка
В брак не тяну я вас. Замка
Лишённый ключ он без взаимной
Любви. Страсть, словно лампа, дымной
Становится. В насилье акт
Любовный превращён. Мне такт

---

¹⁷⁷ Римляне часто клали лампы в гробницы. Одна такая, в гробнице Туллии – дочери Цицерона – светила полторы тысячи лет, видимо, из-за спёртого воздуха.

Природный не даёт, в чём *iuro*¹⁷⁸,
Сказать всего. Не стойте хмуро!
Насилье с женской стороны

---

¹⁷⁸ Клянусь (*лат.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.